

Василий Веденеев

КАМЕРА СМЕРТНИКОВ

КОЛЛЕКЦИЯ
Военных
Приключений

АНТОН ВОЛКОВ

Василий Веденеев

Камера смертников

«ВЕЧЕ»

2009

Веденеев В. В.

Камера смертников / В. В. Веденеев — «ВЕЧЕ», 2009 — (Антон Волков)

ISBN 978-5-4444-7409-9

Из нейтральной страны в Москву поступают сообщения о предательстве среди высшего командования Красной армии – один из генералов завербован немецкой разведкой. К тому же под Москвой работает неуловимая вражеская радиостанция. В довершение из-за линии фронта приходит сбежавший из камеры смертников тюрьмы СД бывший офицер-пограничник и приносит подтверждение полученным сведениям... Роман продолжает цикл книг о приключениях советского разведчика Антона Волкова.

ISBN 978-5-4444-7409-9

© Веденеев В. В., 2009

© ВЕЧЕ, 2009

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	21
Глава 3	36
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Василий Владимирович Веденеев

Камера смертников

© Веденеев В.В., наследники, 2016

© ООО «Издательство „Вече“», 2016

© ООО «Издательство „Вече“», электронная версия, 2017

Роман основан на реальных событиях.

Глава 1

Из ультиматума советского командования
8 января 1943 года
Командующему окруженной 6-й германской армией
генерал-полковнику Паулюсу или его заместителю

...В условиях сложившейся для Вас безвыходной обстановки, во избежание напрасного кровопролития предлагаем Вам принять... условия капитуляции...

При отклонении Вами нашего предложения о капитуляции предупреждаем, что войска Красной армии и Красного Воздушного Флота будут вынуждены вести дело на уничтожение окруженных германских войск, а за их уничтожение Вы будете нести ответственность.

*Представитель Ставки Верховного Главного командования Красной
армии генерал-полковник артиллерии ВОРОНОВ
Командующий войсками Донского фронта генерал-лейтенант
Рокоссовский
Отправлено 16 января 1943 года.*

ЛИЧНОЕ И СЕКРЕТНОЕ ПОСЛАНИЕ
ПРЕМЬЕРА СТАЛИНА
ПРЕМЬЕР-МИНИСТРУ ЧЕРЧИЛЛЮ

Ваше послание от 11 января с.г. получил. Благодарю за сообщение. Операции наших войск на фронтах против немцев идут пока неплохо. Доканчиваем ликвидацию окруженной группы немецких войск под Сталинградом.

ЛИЧНОЕ И СТРОГО СЕКРЕТНОЕ ПОСЛАНИЕ
ОТ ПРЕМЬЕР-МИНИСТРА
г-на УИНСТОНА ЧЕРЧИЛЛЯ
г-ну СТАЛИНУ

Мы сбросили на Берлин прошлой ночью 142 тонны фугасных и 218 тонн зажигательных бомб.
17 января 1943 года.

ЛИЧНОЕ И СТРОГО СЕКРЕТНОЕ ПОСЛАНИЕ
ОТ ПРЕМЬЕР-МИНИСТРА
г-на УИНСТОНА ЧЕРЧИЛЛЯ
г-ну СТАЛИНУ

Во время налета прошлой ночью мы сбросили на Берлин 117 тонн фугасных и 211 тонн зажигательных бомб.
18 января 1943 года.
Отправлено 19 января 1943 года.

ЛИЧНОЕ И СЕКРЕТНОЕ ПОСЛАНИЕ
ПРЕМЬЕРА СТАЛИНА
ПРЕМЬЕР-МИНИСТРУ ЧЕРЧИЛЛЮ

Благодарю за сообщение об успешной бомбардировке Берлина в ночь на 17 января. Желаю дальнейших успехов британской авиации, особенно в области бомбардировки Берлина.

Отправлено 30 января 1943 года.

ЛИЧНОЕ И СЕКРЕТНОЕ ПОСЛАНИЕ
ПРЕМЬЕРА СТАЛИНА
ПРЕМЬЕР-МИНИСТРУ г-ну ЧЕРЧИЛЛЮ
И ПРЕЗИДЕНТУ г-ну РУЗВЕЛЬТУ

Ваше дружеское совместное послание получил 27 января. Благодарю за информацию о принятых в Касабланке решениях насчет операций, которые должны быть предприняты американскими и британскими вооруженными силами в течение первых девяти месяцев 1943 года. Понимая принятые Вами решения в отношении Германии как задачу ее разгрома путем открытия второго фронта в Европе в 1943 году, я был бы Вам признателен за сообщение о конкретно намеченных операциях в этой области и намеченных сроках их осуществления.

Что касается Советского Союза, то я могу Вас заверить, что Вооруженные Силы СССР сделают все от них зависящее для продолжения наступления против Германии и ее союзников на советско-германском фронте. Мы думаем закончить нашу зимнюю кампанию, если обстоятельства позволят, в первой половине февраля сего года. Войска наши устали, они нуждаются в отдыхе, и едва ли им удастся продолжать наступление за пределами этого срока.

Разгром под Сталинградом напоминает о неизбежной гибели Гитлера и его армии, которая испытала под Сталинградом самую большую катастрофу, какая когда-либо обрушивалась на германскую армию с тех пор, как существует Германия. Эпическая битва за Сталинград закончилась. Она означает, что гитлеровцы уже перевалили за вершину своего могущества и отныне начинается их падение, на которое они обречены. Доблестный подвиг русской армии будет жить в веках.

* * *

Зима выдалась слякотной, кляузной, часто шли дожди со снегом, а с Балтики то и дело налетал сырой ветер, гонял по небу низкие тучи, распарывавшие свои толстые серые бока об острые шпили кирх – выпадал снег и тут же таял, оставляя на раскисшей земле месиво грязи; потом слегка поджимал морозец, почва застывала, и ее припудривала колючая белая крупа, неприятно хрустевшая под подошвами сапог.

Коричнево-черная земля, белые полосы не стаявшего снега и траур, объявленный по всей Германии.

Траур всегда печаль – слезы по погибшим воинам рейха, тщательно скрываемая горечь неудачи, да что там неудачи, скажем прямо – катастрофы, произошедшей под Сталинградом,

жуткой катастрофы, к тому же совершенно неожиданной: казалось бы, уже вышли к Волге, со дня на день ждали падения города... И как будто после этого нечто хрустнуло в душе, тонко и неприятно: так же, как хрустит снежная крупа под подошвами...

Бергер привычно придал своему лицу постное выражение и незаметно огляделся – не наблюдает ли кто за ним? Его глаза равнодушно, но цепко скользили по светлым кантам и полоскам на петлицах связистов и пехотинцев, по красным лампасам офицеров генерального штаба сухопутных войск, по черным мундирам и редким штатским костюмам из дорогой ткани. На лица Бергер старался не смотреть – зачем выдавать свой интерес? Достаточно поймать взглядом позу человека, чтобы определить, куда и на кого он смотрит.

Нет, кажется, оберфюрер никого не интересовал. Глаза всех присутствующих устремлены на обтянутую коричневым френчем спину фюрера, склонившегося к окулярам стереотрубы. В длинные узкие окна бойницы спецбункера, построенного на полигоне, было прекрасно видно запорошенное снегом поле, но Гитлер имел слабое зрение, а носить очки считал недостойным вождя нации, и даже все документы специально для него печатали на машинке с крупным шрифтом, изготовленной по особому заказу рейхсканцелярии.

Рядом с фюрером стоял Гиммлер, по другую сторону – группа генералов вермахта и несколько штатских.

«Конструкторы», – решил Бергер.

У соседнего окна устроился с биноклем в руках массивный Геринг, а неподалеку нетерпеливо переминался на своих уродливых ногах рейхсминистр пропаганды Йозеф Геббельс.

Пальцы Гитлера нервно вертели колесико настройки окуляров. В бункере висела почти-тишина, нарушаемая только отдаленным звуком танковых моторов да приглушенным, осторожным шарканьем подошв по бетонному полу – у собравшихся сильно мерзли ноги: им, в отличие от фюрера, не постелили ковра.

Скосив глаза, оберфюрер поглядел на Фердинанда Порше – танкового конструктора, работчика автомобиля «фольксваген». Инженер тискал в потной ладони скомканный носовой платок, пристально вглядываясь в фигурки суетившихся около орудий солдат. Поодаль от батареи стоял советский танк Т-34 с небрежно покрашенной звездой на башне.

«Война должна быть выиграна тем оружием, которым она начата», – вспомнился Бергеру неоднократно слышанный им лозунг.

Но... лозунги еще не обеспечивают безусловной победы, а любую войну действительно можно закончить тем оружием, которым она начата. Вопрос только в том, *как* закончить?

Германия начинала войну с легкими танками Т-I и Т-II, с двадцатитонными средними танками Т-III и Т-IV, вооруженными 37-миллиметровой пушкой, имевшими скорость 55 километров в час и рассчитанными на блицкриг. Они оправдали себя в Европе, и фюрера стали называть «панцерфатером» – отцом танков, давшим нации грозное оружие для решающих сражений.

Летом сорок первого на границе с Советами было 3712 таких машин, но, как оказалось, они могут поразить советский танк Т-34 с расстояния не более пятисот метров, да и то только в борт или кормовую часть. Тогда Красная армия имела мало неуязвимых машин, не в пример меньше, чем сейчас.

Тем летом радио день и ночь вещало о новых победах, дикторы захлебывались от восторга, а по пыльным дорогам Украины и Белоруссии ползли немецкие танки, окрашенные для устрашения противника в черный цвет. Потом их пришлось перекрашивать: слишком хорошей мишенью они оказались для русских артиллеристов, бесстрашно выкатывавших на прямую наводку свои маленькие пушки, прозванные ими «прощай, Родина», – об этом Бергер читал в донесениях. И стало появляться на фронтах все больше и больше неуязвимых советских танков. А потом русским стали поставлять танки союзники.

Теперь у вермахта есть «тигры», но специалисты отмечают неповоротливость их башни – после пристрелочного выстрела немецкого танка Т-34 менял место и бил «зверя» по борту. Первая смертельная схватка этих машин произошла не так давно, в конце прошлого, сорок второго года, когда Манштейн пытался прорваться на помощь Паулюсу через выстуженные ветрами заснеженные донские степи, имея в составе своей группы сорок четыре новых танка с усиленной броней и вооружением. Но Манштейн так и не дошел.

И еще одно проклятье – в Германии нет марганцевой руды, без которой невозможно выплавить броневую сталь высокой прочности, не уступающую русской. Не зря на одном из совещаний фюрер заявил, что потеря немецкими войсками Никополя, с его залежами и разработками марганцевой руды, означала бы скорый и неутешительный конец войны. А русские изо всех сил жмут и там...

Из-за пригорка выполз угловатый тяжелый танк, приостановился на мгновение и выстрелил по неподвижному Т-34. Глухо ухнул по башне снаряд, звонко хлопнуло эхо танковой пушки, тут же заглушенное ревом мотора. Фюрер поднял голову от стереотрубы и вяло хлопнул в ладоши:

– Bravo!

Стоявший рядом с Бергером группенфюрер Этнер чуть заметно улыбнулся, сдерживая радость.

«Спектакль, – неприязненно покосился на него Бергер. – Кого обманываем? Себя...»

Гитлер вновь принял к окулярам. «Тигр» на полигоне развернулся, часто захлопали выстрелы его пушки, в щелы разнося снарядами доски щитов мишеней в виде силуэтов русских танков. Присутствовавшие в бункере оживились.

Выбрасывая из-под траков комья мерзлой грязи, бронированная машина выползла на новую позицию, направив хобот орудия на советский танк. Выстрел, градом посыпались искры от болванки, ударившей в уральскую броню, раздался рокот мотора и поплыл сизый дымок выхлопов танкового двигателя.

Один из военных отошел к установленному на столике полевому телефону, снял трубку и коротко отдал приказание.

– Грандиозно! – потирая руки, Геббельс повернулся к Герингу и впился в его оплывшее лицо своими маленькими глазками. – Стоило выпустить на поле несколько машин. Какая мощь!

Геринг в ответ только вежливо кивнул и, не проронив ни слова, поднял бинокль. Из люка «тигра» быстро вылез экипаж и бегом направился в сторону русской бронированной машины, забрался в нее. Наклонившись к фюреру, Гиммлер что-то тихо сказал.

«Радует, – подумал Бергер. – Наконец-то он рядом с вождем. Всю жизнь мечтает войти в „аувау“ – костяк партии, но в него входят улетевший в Англию Гесс, сам фюрер, Штрассер и Розенберг. Некоторых уже нет, но Гиммлера так и не включили в „костяк“, как и Геббельса с Герингом. И сейчас „черный Генрих“ упивается близостью к вождю, когда другие стоят от него поодаль. Все видят его рядом с фюрером, все...»

Застучали пушки батареи, защелкали по броне «тигра» снаряды, не причиняя ей вреда; глаза присутствующих словно прикипели к спине Гитлера, плечи которого чуть заметно вздрагивали при каждом выстреле.

В небо взлетела белая ракета, стрельба прекратилась. В наступившей тишине бухнула пушка русского танка, и все явственно увидели, как в борту «тигра» появилась дыра.

– Что это? – досадливо выпрямился фюрер.

Обернувшись, нацистский диктатор обвел глазами побледневшие лица военных. Конструкторы незаметно ретировались за спины генералитета.

– Я спрашиваю, что это? – щетка усов Гитлера дернулась в недовольной гримасе. Встав спиной к стереотрубе, он привычно сложил руки в низу живота, положив ладони одна на дру-

гую. – Опять? Еще недавно меня пытались уверить, что все доведено до конца, что больше не потребуется никаких доделок. Ложь?!

Из рта фюрера вместе со словами вылетали легкие облачка пара – в бункере было прохладно, несмотря на постеленный для вождя ковер и включенные переносные калориферы. В длинные окна бойницы задувал свежий ветер с полигона, принося с собой кислый запах пороховых газов и пряный свежий дух сырой земли и талого снега – запахи уже недалекой весны.

– Там, – Гитлер патетически показал рукой в сторону, – доблестные солдаты великой Германии ждут нового оружия! А что я вижу здесь?

Военные понуро молчали. Геринг сопел, багровея лицом и стараясь не встречаться с фюрером взглядом. Геббельс отвернулся, преувеличенно внимательно разглядывая ногти на руках.

«Почему он без шинели? – неожиданно подумал Бергер, глядя на Гитлера. – Прохладно, а он ведь боится простуды».

– Вы видели? – тихо спросил он. – Видели?

– Да, мой фюрер! – дрожащим от волнения голосом ответил Этнер.

Гитлер опустил глаза и скорбно поджал губы, беспокойно шевельнулись пальцы его руки, придерживающей полу кожаного пальто.

– Генрих говорил мне о вас. Сейчас нам как никогда важно знать все секреты танковой брони русских. Надо работать, работать еще быстрее и еще лучше! – подняв глаза, фюрер поощрительно улыбнулся Этнеру. Потом снова перевел взгляд на Бергера. – За что получили крест?

– За кампанию тридцать девятого года! – отрапортовал оберфюрер.

– Да, да, – вяло кивнул ему Гитлер. – Работайте! – и пошел к выходу, сопровождаемый адъютантами и рейхсфюрером СС.

Припадая на больную ногу, проскакал мимо Геббельс, потом важно прошествовал Геринг, следом потянулся генералитет. Выждав, пока они выйдут, выбрались из бункера и Этнер с Бергером. Кортёж фюрера уже убыл, но на площадке еще стояли машины Гиммлера и генералов. Словно в ответ на эти мысли, фюреру подали длинное черное кожаное пальто на утепленной подкладке. Небрежно накинув его на плечи, дрожащей от едва сдерживаемого гнева рукой он поправил завернувшиеся полы и, кивнув рейхсфюреру СС, пошел между почти-точно расступившихся генералов к выходу из бункера. Следом заторопился Гиммлер. Догнав фюрера, он что-то шепнул ему. Тот резко остановился:

– Где они?

Стоявший за спиной вождя рейхсфюрер сделал знак Этнеру и Бергеру подойти ближе. Чувствуя, как становятся тяжелыми и непослушными ноги, Бергер шагнул вперед, встав рядом с группенфюрером Этнером. В лицо ему уперлись зеленоватые, как мутное бутылочное стекло, глаза Гитлера, дернулась в нервном тике его щека.

Бергер знал, что у Гитлера есть двойники, которые проезжали в одинаковых автомобилях по различным маршрутам, чтобы никто не догадался, где именно поедет настоящий вождь нации. Наверное, сейчас эти авто, сопровождаемые охраной, несутся по дорогам к Берлину, взвизгивая покрывками на крутых поворотах шоссе и нигде не снижая скорости, пока не въедут в ворота рейхсканцелярии.

Небо очистилось от туч, выглянуло солнце, заиграли блики на лаково-черных боках чисто вымытых машин, чередой выстроившихся на площадке перед бункером. Проезжавший мимо Бергера и Этнера автомобиль рейхсфюрера притормозил, опустилось стекло – в глубине салона бледным пятном виднелось лицо Гиммлера с поблескивавшими стеклышками пенсне.

«Странно, – подумал Бергер, – руководители спецслужб двух воюющих держав носят пенсне. Только один предпочитает с овальными стеклами, а другой – с прямоугольно-квадрат-

ными. Общность характеров? Или у обоих близорукость, причем не только физическая, но и политическая?»

Опять понуждают нас к гонке за сиюминутной выгодой, не видя возможностей *длинной политической* интриги! Что такое временный успех, успех одной военной или разведывательной операции? Разве его решает только броня? Ее секреты дело абвера, а не политической разведки. Но почему же все-таки оба носят пенсне – Гиммлер и глава советской службы безопасности?

Наверное, обер-полицейские сильнейших воюющих между собой европейских держав имеют определенную общность во взглядах, являясь «душеприказчиками» подданных своих властелинов и, одновременно, зловещими тенями вождей. Не исключено, что обер-полицейские имеют тайные контакты, поскольку разведки ведут войну своими методами и вынуждены получать информацию через нейтральные страны.

– Этнер! – приблизив свое лицо к открытому окну автомобиля, негромко окликнул Гиммлер. – Подойдите! Не теряйте драгоценного времени, – дождавшись, пока подчиненный приблизится, назидательно сказал он. – Дни проходят быстро.

– Оберфюрер Бергер вылетит в самое ближайшее время, – отчеканил Этнер.

– Не тяните, – еще раз напомнил Гиммлер, поднимая стекло.

– Садитесь в мою машину, – глядя вслед автомобилю рейсфюрера, предложил Этнер. – По дороге еще раз обговорим некоторые детали операции.

– Я только предупрежу своего шофера, чтобы держался за нами, – согласно кивнул Бергер.

Шагая к своему автомобилю, он зло чертыхнулся сквозь зубы: еще только не хватало срочно улетать в неизвестность, оставляя здесь незавершенными свои дела. Чертов «шлепер», – вспомнил Бергер давнюю кличку Гиммлера, в молодые годы бывшего сутенером у проститутки Фриды Вагнер, которую он потом прикончил. Шлепер – это и есть сутенер, как их кличут на жаргоне.

Наверное, Генрих поднабрался в свое время от продажной Фриды, и теперь так же умело изображает перед фюрером активность, как изображала пылкую страсть дешевая проститутка, отдаваясь за гроши первому встречному.

Бергер отдал распоряжения водителю и не спеша направился к длинному черному лимузину Этнера. Скорее бы наступила хоть какая-то определенность в этой донельзя затянувшейся войне с русскими. Впрочем, разве не является Сталинград началом определенности, вернее – предопределенного конца?! Этот удар просто-таки потряс «тысячелетний рейх», а если за ним вскоре последуют другие подобные удары, то надолго ли у Германии хватит пороха?

Усаживаясь на заднее сидение рядом с группенфюрером, Бергер неожиданно подумал, что после войны неплохо бы написать книгу о подноготной тех, с кем свела его судьба, о подноготной людей, сумевших встать во главе нации.

О, это будет очень дорогая книга, особенно если воспользоваться родственными связями жены и продать рукопись за океан, американцам. В зависимости от того, кто станет победителем, точнее определится и содержание книги, ее направленность. В этом свете разговор с Этнером еще один шаг к созданию рукописи – Бергер надежно спрячет все до поры в памяти, а на память он еще никогда не жаловался.

* * *

Вечером Геббельс смотрел еженедельное кинообозрение «Вохуншау». Сидя в мягком кресле темного кинозала министерства пропаганды и равнодушно следя глазами за мелькавшими на экране кадрами кинохроники, он раздумывал о том, что военные и конструкторы

вновь не оправдали надежд фюрера на создание непобедимого оружия: с новым танком придется еще много повозиться! А время уходит катастрофически быстро.

Если не закрыть случившуюся под Сталинградом страшную неудачу новыми успехами в летней кампании, то дух армии неизмеримо упадет и поднять его окажется не под силу всей пропагандистской машине. Дух поднимают победы, а не кинохроника – она хороша для обывателя или солдат и офицеров тех частей, которые пока не нюхали восточного фронта, не замерзали в окопах под Москвой, не бежали по обледелым, усеянным трупами дорогам, увязая в сугробах и бросая технику, не жарились под палящим солнцем донских степей и не горели в огне Сталинградского котла.

Нет, новое успешное наступление жизненно необходимо, как глоток свежего воздуха для задыхающегося от удушья в приступе жестокой астмы.

Потихоньку рейхсминистр пропаганды уже начал готовиться: на радио записывали фанфары – их трубным звуком будут начинаться победные сообщения с фронта. Но пока фанфары не удовлетворяли Геббельса – не то, все время не то, не чувствуется в них торжества, мощи Германии и ее непобедимых железных солдат. Он приказал пробовать еще и еще, пока не добьются нужного звучания, от которого продирает мороз по коже, а у обывателя возникает щенячий восторг и наворачиваются на глаза слезы умиления, как при раздаче всеобщей государственной похлебки, призванной объединять нацию.

Да, пожалуй, сегодня придется отложить поездку на киностудию и опять побывать на радио, поторопить их, заставить работать быстрее – фанфары заранее должны быть готовы к новым победам. А победы так нужны, ах, как они нужны сейчас, во время всеобщего траура!

Плевать на мораль: Макиавелли не зря писал, что мораль и политика живут на разных этажах, – иначе солдат казнили бы за убийства на войне, правителей, раздающих свои земли, ставили всем в пример, услужливых сановников прямо называли рабами, а народ, поклоняющийся тирану – безумным!

Кстати, о безумстве: действительно ли удастся людям Гимmlера подтолкнуть к нему противника или нет? Новые безумства в стане врага да еще во время войны – просто предел мечтаний! Надо признать, что у «черного Генриха» есть толковые исполнители, неглупые политики, тонко чувствующие остроту момента. Но это не исключает заботы о фанфарах. Поэтому стоит досмотреть хронику и отправиться на радио...

* * *

Затемненный вокзал казался мрачной громадой. Крупными хлопьями падал снег, тускло мерцали синие фонари патрулей, проверяющих документы пассажиров: наст, коркой покрывший перрон, поскрипывал под сапогами торопливо пробежавших железнодорожников в черных шинелях. К составу подали паровоз, вагоны качнулись и лязгнули буферами, от чего тонко задребезжали промерзшие стекла, закрытые изнутри синей бумагой светомаскировки.

Ромин поглубже засунул руки в рукава шинели – жмет морозец, даже когда снег пошел, погода мягче не стала. Потопав сапогами, он постучал ногой в дверь тамбура вагона. Через минуту она приоткрылась, выпустив клуб пара, тут же осевшего инеем на поручнях; высунулось морщинистое усатое лицо Скопина – второго проводника.

– Скоро отправляемся? – пританцовывая, спросил Ромин. – Темно, а за часами лезть холодно.

– Три минуты, – ответил напарник и дверь, бухнув, закрылась.

Ромин вздохнул и вытащил из висевшего на брезентовом ремне чехла желтый флажок. Сейчас стукнет станционный колокол – негромко, вполголоса, – потом паровоз даст короткий гудок, и состав отправится. Пассажиров много, – казалось бы, какие поездки в военное время? Но даже на багажные полки набиваются командировочные, отпускники по ранению, бабы с

мешками гнилой картошки, бледные до прозрачной синевы, укутанные в множество платков дети, инвалиды.

Подув на пальцы, словно пытаясь согреть их дыханием через перчатку, он развернул флажок и встал на подножку вагона. Вот и ударил колокол, басовито рывкнул паровоз и тихо поплыли назад заснеженный перрон с патрулями, темные московские дома, столбы потушенных фонарей. Старший патруля, стоявшего на перроне, поднял руку и крикнул:

– Привет трудовому Уралу!

Ромин в ответ улыбнулся и тоже помахал рукой с зажатым в озябших пальцах флажком. Сегодня низкие облака, бомбить на перегоне не будут, можно ехать спокойно. Хотя какой тут покой, если на двоих проводников чуть не половина состава: печки истопи, а угля в обрез, билеты проверь, двери проверь, чтобы не открылись, светомаскировку соблюдай, воды согрей, если удастся, конечно; при проверке документов помогай, – в общем, вертись, как белка в колесе.

С удовольствием захлопнув за собой дверь тамбура, Ромин прислонился спиной к покрытой инеем стенке вагона и негнушимися пальцами развязал тесемки ушанки под подбородком: вагоны старые, дырявые, из всех щелей ветер свистит, но все равно внутри теплее, чем на улице. Свернув флажок, убрал его в чехол и, пройдя коридором, открыл дверь служебного купе.

– Ну, как тут? – опускаясь на полку и расстегивая шинель, спросил он у напарника.

– Нормально, – буркнул тот. – Время поджигает, пора. Расписание нужно соблюдать.

– Щас, только отогреюсь маленько, – Ромин зубами стянул перчатки и начал растирать покрасневшие руки. – Задубел совсем.

Мерно стучали колеса, мягко оплывал огарок свечи в фонаре на столе, вагон покачивало, скрипели двери, где-то брэнчало плохо привешенное ведро.

– Посмотри там, – велел Ромин, доставая из-под полки большой деревянный обшарпанный чемодан.

Напарник вышел, встал у двери, сворачивая цыгарку. Задымил, поглядывая вдоль пустого коридора: пассажиры утомнились.

– Ну?! – поторопил Ромин.

– Давай, – отозвались из коридора, и дверь купе захлопнулась.

Заперев ее, Ромин достал ключ и открыл замок чемодана. Откинул крышку, снял лежавшее сверху тряпье и вытащил портативную рацию. Быстро подготовив ее к работе, он приоткрыл окно и высунул в него антенну. Сразу потянуло холодом, пламя свечи в фонаре замигало, грозя вот-вот потухнуть, оставив его в темноте.

Ругнувшись, Ромин переставил фонарь, включил рацию и надел наушники. Подышав на пальцы, положил их на ключ, настроился на нужную волну и начал быстро стучать позывные:

– ФМГ вызывает ДАТ... ФМГ вызывает ДАТ... – полетело в эфир.

* * *

Ермаков проснулся рано, еще не было шести утра. Приподнявшись, он дотянулся до шнура светомаскировочной шторы на окне и поднял ее: молочно-белые морозные узоры на стекле, а за ними темнота. Жалобно скрипнули пружины койки под плотным телом Алексея Емельяновича, мирно тикал будильник на тумбочке – единственная вещь, которую он взял с собой из квартиры, заперев ее после отъезда жены и дочери в эвакуацию: как ему казалось, будильник привносил в служебное бытие некоторый домашний уют, напоминая о безвозвратно ушедших довоенных временах, когда он вечерами сидел дома за шахматной доской, задумчиво переставляя замысловатые резные фигурки, выточенные неизвестным мастером; стыл крепкий чай в стакане, жена слушала приемник, дочь читала.

А то, бывало, нагрянут друзья-приятели, засидятся за полночь – разговоры, споры до хрипоты. Где они теперь, давние друзья? Одни на фронтах, воюют, а другие...

Вставать не хотелось, и он, подтянув до подбородка жесткое солдатское одеяло, нащупал на тумбочке папиросы. Закурив, уставился невидящими глазами в темноту за окном, вспоминая давние споры.

Накануне начала новой мировой войны Советский Союз добивался заключения трехстороннего военно-политического союза с Англией и Францией, должного обеспечить безопасность в Европе, защиту от угрозы фашистской агрессии – угрозы реальной, поскольку на свежей памяти был мюнхенский кризис тридцать восьмого года.

В августе тридцать девятого, на заключительном этапе переговоров в Москве, СССР заявил о своей готовности выставить крупные военные силы против агрессора и предложил конкретные варианты совместных действий, однако английское посольство заранее получило инструкцию, как блокировать и окончательно сорвать переговоры. И западные политики выдали Гитлеру Польшу, вслед за Чехословакией.

Вскоре вермахт вышел к советским границам. Впоследствии выяснилось, что детали соглашения между Англией и Германией хотели уточнить при личной встрече Чемберлена с Герингом, который собирался прибыть на Британские острова двадцать третьего августа тридцать девятого года: уединенный аэродром в Хартфордшире готовился в строжайшей тайне принять самолет с высоким гостем, откуда тот намеревался проследовать в Чекерс, в загородную резиденцию Чемберлена.

Несмотря на свои заверения о полном невмешательстве в европейские дела, не остались в стороне и американцы: отбросив в сторону дипломатические увертки и тонкости, посол США в Лондоне Кеннеди прямо говорил:

«Германия должна иметь в экономических вопросах свободу рук на Востоке, а также на Юго-Востоке».

Двадцатого августа министр иностранных дел Польши заявил:

«Польшу с Советами не связывают никакие военные договоры, и польское правительство такой договор заключать не намеревается».

А Польше Западом был уже заранее уготован терновый мученический венец: после объявления войны переброска английских войск во Францию велась крайне медленно, да и началась она только четвертого сентября, когда поляки, истекая кровью, один на один уже сражались с врагом.

Десятого сентября начальник французского генерального штаба Гамелен в ответ на полный отчаяния запрос польского правительства о помощи сказал:

«Больше половины наших дивизий северо-восточного театра военных действий ведут бои».

Однако эти бои в действительности являлись сущей фикцией, поскольку немцы получили приказ всячески уклоняться от активных боевых действий, а французы, продвинувшись вперед на два десятка километров, потом почему-то вдруг затоптались на месте и свернули наступление. Не были подвергнуты бомбардировке и военные объекты Германии. Хитро сошлись, английский министр авиации Вуд говорил:

«Завтра вы меня попросите бомбардировать Рур, но это же частная собственность».

К концу первой недели войны немцы вышли на подступы к Варшаве. Шестнадцатого сентября правительство Польши бросило свою страну и народ на произвол судьбы. Потом началась оккупация.

В сороковом в Польше работал Антон Волков, установивший связь с польским антифашистом, бывшим полковником Марчевским. Интересная оказалась операция, и сложная...

Докурив, Ермаков потушил папиросу и примял ее в пепельнице. Потянулся к повешенным на дужку спинки кровати наушникам – сейчас начнет работать радио, надо послушать

сводку с фронтов. Но, видимо, он увлекся воспоминаниями: в наушнике звучал густой бас Максима Михайлова, исполнявшего арию Сусанина.

Сразу вспомнились октябрь сорок первого, прифронтная пустынная Москва, торжественное заседание, посвященное четырнадцатой годовщине революции, проходившее в вестибюле станции метро «Маяковская», речь Сталина, праздничный концерт с участием специально прилетевших из Куйбышева Ивана Козловского и Максима Михайлова. Тогда он тоже пел арию Сусанина.

Алексей Емельянович встал, не зажигая света, натянул галифе, отгоняя остатки сна, долго плескался холодной водой около умывальника. Потом опустил маскировочную штору, зажег свет и побрился. Надев китель, вышел из комнаты отдыха в кабинет, сел к столу и, сняв трубку телефона, набрал номер.

– Козлов? Доброе утро. У тебя чай горячий? Прелестно! А у меня есть сахар, консервы и хлеб. Давай, заходи с чайником, позавтракаем.

Через несколько минут в кабинет вошел подполковник Козлов, осторожно держа за ручку горячий чайник. Увидев в руке Ермакова горящую папиросу, укоризненно покачал головой:

– Опять натошак?

– Ладно тебе, Николай Демьянович, – отмахнулся генерал, доставая кружку. – Плесни лучше горяченького. На войне, оказывается, не до болячек, заткнулась моя язва.

Прихлебывая чай, он ждал, что скажет Козлов. Они спали по очереди: один отдыхал три-четыре часа, а другой в это время работал.

– Новое сообщение из нейтральных стран, – помолчав, начал подполковник. – На повторный запрос ответили, что в осведомленных кругах упорно утверждают об измене в нашем высшем командном эшелоне.

Отставив кружку с недопитым чаем, Ермаков непослушными пальцами расстегнул крючки на воротнике кителя, словно ему вдруг стало душно.

– Имя?!

– Пока неизвестно, – отвел взгляд Николай Демьянович. – Люди работают, делается все возможное для скорейшей проверки информации.

– Ты понимаешь, *что* будет, если доложат Верховному?

Козлов молчал, опустив глаза и сжимая ладонями кружку с кипятком. Еще раз поглядев на него, генерал откинулся на спинку кресла и жарко вздохнул, покрутив густо поседевшей головой:

– Ну, дела!.. Сколько получено подтверждений на повторные запросы?

– Два из пяти, – глухо ответил Козлов.

– Два из пяти, – побарабанив пальцами по крышке стола, задумчиво повторил Ермаков. – Надо искать! Ориентируй наших людей за линией фронта. Срочно ориентировку в СМЕРШ! В управлении кадров РККА негласно проверить все личные дела высшего комсостава. Причем самым внимательнейшим образом. Перебрать до единого человека личный состав штабов, вплоть до официантки в столовой! Если он есть, этот изменник, у него должна быть оперативная связь с немцами. Иначе – грош ему цена.

– Кстати, о связи, – наморщил лоб Козлов, доставая из кармана гимнастерки сложенный листок бумаги. Развернул его, поднес ближе к глазам. – Радионаблюдением зафиксирована работа германской агентурной станции с позывными ФМГ, вызывавшей радиостанцию ДАТ. Связь была установлена в девятнадцать часов сорок пять минут, и сеанс продолжался около трех минут. По пеленгаторным данным, место нахождения агентурной станции в восточном пригороде Москвы. Причем во время сеанса станция перемещалась.

– Чьи позывные ДАТ? – помрачнел Ермаков.

– Абвергруппа 205, начальник – обер-лейтенант Гемерлер. Район действия – Белоруссия и Польша. Ранее работа агентурной станции немцев с позывными ФМГ отмечалась несколько дней назад, но тогда пеленгаторы не успели ее засечь.

– Просочились, – крикнул генерал, – передача записана? Что говорят дешифровщики?

– Пока ничего, работают.

– Поручи это Волкову и сам включайся, надо их немедленно найти. Ответы на повторные запросы захватил? Молодец, давай сюда. Налей мне еще чайку и иди, я потом позвоню...

Когда за подполковником закрылась дверь, Алексей Емельянович увидел, что тот забыл взять консервы и хлеб. Вернуть его, отдать тушенку и сахар? Ладно, все равно сегодня еще не раз встретятся. Наверняка сейчас Николай Демьянович стянет сапоги и буквально рухнет на солдатскую койку, перехватить час-другой – видно было, как слипаются у него от усталости глаза. Пусть поспит, а потом пригласим для разговора, заодно и почаяевичаем, заменяя этим обед.

Ермаков придвинул поближе листки с текстом шифртелеграмм и снова пробежал глазами по их скупым строкам: неужели среди высшего начсостава действительно оказался предатель? Первое сообщение об этом поступило от разведчика, работавшего в нейтральной стране: он сообщал об измене неизвестного генерала, не указывая ни его имени, ни места службы.

Спустя некоторое время об этом же сообщили из другой нейтральной страны. Ермаков тогда не стал докладывать наркому, а приказал направить повторные запросы и ориентировать разведчиков, работающих в иных странах на установление данных изменника. Из пяти посланных ориентиров повторно ответили утвердительно на две, в других ссылались на отсутствие данных. И никаких имен! Неужели действительно где-то есть призрачная фигура, связанная невидимыми нитями с немцами, но кто и где?

Сейчас не докладывать о полученных сведениях уже нельзя – не доложишь сам, найдутся другие, готовые сделать это за тебя. Но как докладывать о таком члену пятерки, называемой «пятеркой по внешним делам» или «оперативным вопросам»? Эта «пятерка» была создана в политбюро еще до войны, и в нее вошли сам Сталин, Молотов, Маленков, Берия и Микоян. Что будет после того, как Ермаков доложит наркому?

Генерал отодвинул от себя листки шифртелеграмм и потер пальцами виски – голова развалится от думок! Особенно когда представишь себе холодные глаза наркома, пристально глядящие на тебя сквозь стеклышки пенсне с плохо скрытым недоверием и холодной оценкой, словно говоря: «Промахнулся, генерал, не доглядел врага? А может?...»

Вспомнился прежний нарком – Николай Иванович Ежов: в белоснежной туго накрахмаленной гимнастерке, с алыми звездами в петлицах и на рукаве, темноволосый, любивший часто улыбаться. Питерский рабочий паренек, участник штурма Зимнего, комиссар Гражданской, секретарь райкома, впоследствии выдвинутый на ответственную работу, – внешне безупречная биография и далеко не безупречные, да что там, просто преступные перед народом и государством дела. Кто знает, если бы не уничтожили тысячи командиров и генералов, был бы после этого позор финской кампании, показавший слабость армии и создавший о ней самое неблагоприятное впечатление во всем мире? И разве один Ежов в этом виноват?

В тридцать седьмом судили друг друга: членом трибунала над военными, в том числе и маршалом Тухачевским, являлся и маршал Блюхер, в жизни которого был очень опасный момент в двадцатом, когда Фрунзе пригрозил опальному начдиву-51 и послал его с винтовкой в руках в цепь красноармейцев, штурмующих Турецкий вал. Теперь и Блюхера нет.

Бывшего офицера гвардейского семеновского полка, маршала РККА Михаила Николаевича Тухачевского обвинили в том, что он, будучи заместителем наркома обороны Клим Ворошилова, ездил в Англию на похороны английского короля Георга V, где имел в Лондоне встречу с военным атташе Витовтом Путной, своим давним приятелем по Пятой армии. Путну

после августовского процесса тридцать шестого года отозвали из Англии и взяли под стражу, обвинив в связях с троцкистами.

Тухачевский снова собирался на Британские острова, чтобы присутствовать на торжествах по случаю коронации нового монарха, но ему строго указали на недопустимое и чрезмерное увлечение зарубежными вояжами и, понизив в должности, назначили командующим округом.

Потом его обвинили в том, что он вместе с Троцким во время Гражданской войны затеял нездоровую возню на Юго-Западном фронте, возню с Первой конной армией, и тем самым сорвал «марш на Варшаву». Член РВС товарищ Сталин решительно пресек эти безобразия, но время уже оказалось бездарно упущено. За Тухачевским тут же закрепили кличку «командующий-неудачник». Но и этого показалось мало.

Начали открыто и всюду говорить, что маршал хочет единолично присвоить славу победителя Колчака, а его, на самом-то деле, добивал не кто иной, как Генрих Христофорович Эйхе. Вытащили на свет появившуюся в январе тридцать пятого года в «Правде» статью Тухачевского «На Восточном фронте», вызвавшую новые нападки. Там Александр Александрович Самойло и Ольдерогге якобы назывались приверженцами Троцкого. Самойло после этого сидел в кабинете Клим Ворошилова и горько плакал, уверяя всех, что он никакой не троцкист, а сам Ворошилов был снят с поста наркома обороны после финской...

Уборевича и Якира обвиняли в неприкрытом стремлении к карьеризму, к получению маршальских звезд, а начальника Военной академии Корка – в преднамеренном умалении роли Фрунзе в обходе Врангеля через Сиваш и допущении разгрома своей армии на Польском фронте. Эйдемана обвинили в том, что пост председателя Осоавиахима он считает насмешкой над полководцем. Потом заговорили о том, что жизненные и военные пути Фельдмана пересеклись с жизненными и военными путями Тухачевского и Уборевича еще во время ликвидации антоновщины.

Когда Фельдман был начальником штаба на Дальнем Востоке, Уборевич, освобождая край от интервентов, почему-то остановил свою армию в девяти верстах от Владивостока и дал японцам возможность расправиться с двумя рабочими и без помех эвакуироваться.

Уже в тюрьме Уборевич пытался покончить с собой, вскрыв вены осколком стекла от очков. Очки у него тут же отобрали...

После заседаний трибунал, в составе: председателя – армвоенюриста Василия Васильевича Ульриха, marshалов Буденного и Блюхера, заместителя наркома Алксникса и начальника Генерального штаба marshала Шапошникова; появились статьи в центральных газетах – «Никакой пощады изменникам Родины», «Немедленная смерть шпионам» – и стихи Придворова, взявшего псевдоним Демьян Бедный: «Все эти Фельдманы, Якиры, Примаковы, все Тухачевские и Путны – подлый сброд».

По Указу от первого декабря тридцать четвертого года, подписанному Калинин в день убийства Кирова, ВЦИК обязался не принимать от террористов ходатайства о помиловании, не рассматривать их, а органам НКВД вменялось в обязанность немедленно приводить приговоры в исполнение...

После гибели другие, в сентябре тридцать девятого заключили непонятный договор о дружбе с нацистами, началась Финская и прошла XVII партконференция, после которой товарищу Сталину доложили: для укомплектования новых танковых соединений не хватает 12,5 тысячи средних и тяжелых танков, 43 тысячи тракторов и 300 тысяч автомобилей; катастрофически не хватает командных кадров, а новых самолетов имеется на вооружении не более 10–20 процентов, но товарищ Сталин не поверил, что немцы ему смогут навязать войну, когда он к ней еще совсем не готов.

Что может произойти теперь, уже во время войны, после того как он, генерал Ермаков, доложит наркому, члену «пятерки», о поступивших из нейтральных стран данных? Кого

обвинят в измене, на ком остановится холодный, пристальный взгляд спрятавшихся за стеклышками пенсне глаз? На ком из генералов, командующих армиями и фронтами? Подобные вопросы по поручению товарища Сталина курирует именно Лаврентий Павлович Берия. Ему и придется доказывать. Не полезешь же с этим к «самому».

Не исключено, что пока не установленная агентурная станция немцев, выходящая в эфир с позывными ФМГ, и есть ниточка, ведущая к изменнику, ниточка его связи с противником. Но тогда это означает, что предатель здесь, в Москве?!

Ермаков отхлебнул из кружки остывшего чая и расстегнул все пуговицы на кителе – стало жарко от таких мыслей. Что могут и должны сделать он и его товарищи, чтобы немедленно выявить врага и защитить от необоснованных подозрений честных военачальников, не дать им пасть жертвой излишней подозрительности и жестокости, не позволить запятнать их имена?

Да разве только в именах дело? Нельзя дать поселиться в штабах атмосфере подозрительности и страха, всеобщего недоверия – страшно воевать, не доверяя своим командирам, а позволить вновь вспыхнуть и, подобно эпидемии чумы, прокатиться по воюющей армии волне репрессий просто смерти подобно. Военная разведка просто обязана встать заслоном.

Где же выход, в чем он? Проводить работу, не ставя о ней в известность руководство, уже нельзя, но нельзя и давать повод наркому подозревать в измене всех и вся.

За окнами незаметно рассвело, серое морозное утро встало над городом, покрытым снегом второй военной зимы...

* * *

Пулю в спину Антон получил уже перейдя границу и оказавшись среди своих: немецкий снайпер целился в левую лопатку, чтобы попасть прямо в сердце, но то ли Волков удачно повернулся в момент выстрела, то ли неожиданно дрогнула у немца рука, однако пуля вошла в спину справа.

Пограничники на шинелях вынесли Антона к машине, доставили в госпиталь, где ему сделали операцию. Через пару дней, когда он пришел в себя, хирург подарил ему маленький кусочек свинца, прилетевший с той стороны границы. Волков бережно спрятал маленькую тяжелую остроносую пулю и потом, вернувшись домой, хранил ее в коробочке вместе с орденами и медалями.

Правда, вернулся домой нескоро – рана долго и трудно заживала, мучили боли в спине, приходилось заново учиться сидеть, стоять, ходить...

Бессонными ночами в госпитале он думал о том, что же случилось с девушкой по имени Ксения, работавшей с ним в одной группе: она бесследно пропала, так и не появившись на условном месте встречи в последний день его пребывания в оккупированном немцами польском приграничном городке. Как ее звали на самом деле, каково ее настоящее имя? Вряд ли ему когда-либо придется это узнать – для него она навсегда так и останется Ксенией. А второй разведчик, страховавший Антона, сумел уйти из сетей немецких облав и продолжал начатую товарищами работу.

Все имеет свой конец и начало – раны стали заживать, Волков уже выходил гулять в парк, радовался первому снегу, красногрудым снегирям, перелетавшим с ветки на ветку, морозному солнцу, возможности спокойно разговаривать с окружающими, есть, пить, спать, не прислушиваясь к шорохам за дверью палаты – как же все-таки хорошо, когда ты жив и находишься среди своих.

Новый год он встречал в Москве. Племянники, радостно визжа, висли на нем, и Антон, скрывая гримасу боли, весело кружил их по комнате. Тепло и уютно дома: тетя, хлопчущая на кухне, мама, младший брат Вовка, сестра, ее муж... С боем курантов подняли бокалы, второй

тост был за возвращение и награду – новенький орден Красного Знамени, привинченный к гимнастерке Волкова.

Муж сестры Иван, работавший в Наркомате иностранных дел, рассказывал о недавно прибывшем в столицу новом шведском после – Сверкере Острёме, о дуайене дипкорпуса, немецком после Шуленбурге и разговорах среди дипломатов о его симпатиях к России.

– Без конца болтают о войне, – попыхивая папиросой, доверительно сообщил он Антону. – Некоторые дипломаты считают, что мы боимся Гитлера и заискиваем перед ним, готовы во всем уступать, лишь бы он не нападал. А я считаю, что капиталисты уже основательно начали драться между собой и скоро просто перебьют друг друга!

– Дал бы то бог, – отделался шуткой Волков. – Я слышал, любимого Гитлером Вагнера ставят? Правда?

– Правда, – сердито отмахнулся Иван, – одних дипломатов это откровенно забавляет, а других столь же откровенно раздражает.

– А тебя?

– Не знаю, – Иван примял в пепельнице окурок и пожал плечами. – Я мелкая сошка: чего скажут, то и делаю, но люди у нас в наркомате подавлены, беспокойны. Тебе и это могу сказать...

На службе Волков нашел генерала Ермакова мрачным и очень озабоченным. Поздравив Антона с возвращением, выздоровлением и полученной наградой, Алексей Емельянович приказал принять к производству дела и готовиться к новой дальней спецкомандировке. Но помешала война. Волков с группой срочно вылетел в немецкий тыл для выполнения спецзадания и просто чудом сумел вернуться.

В первые же дни пал Вильнюс, затем Минск. Враг, не считаясь с потерями, рвался к Смоленску и на Москву. Мнение товарища Сталина, что немцы при начале военных действий бросят свои основные силы на юго-восток – к украинскому хлебу, углю и нефтяным районам, – не оправдалось. Верным оказался расчет Генерального штаба РККА, заранее предупреждавшего об ударе в сердце России – на Москву. Начались воздушные налеты на столицу. Вражеские самолеты сбрасывали по шесть бомб парами, и их взрывы сотрясали город – бум-бум, бум-бум, бум-бум.

К октябрю сорок первого Москва опустела, формировались дивизии народного ополчения. Потом был разгром немцев на подступах к столице, катастрофа под Харьковом и жуткое поражение в Крыму, когда герой Гражданской войны Василий Книга попытался в конном строю атаковать немецкие танки. Книгу вывезли раненым на самолете, а конница погибла. Враг прорвался к Волге, вышел на Кавказ, произошли крупные неудачи под Ленинградом.

– Не было бы Харькова, не случилось бы и Сталинграда, – бросил однажды в начале сорок третьего Ермаков в доверительном разговоре с Волковым.

Антон неоднократно просился на фронт, но все его рапорта неизменно оказывались на столе у генерала Ермакова.

– Работай здесь, – словно припечатывал он тяжелой ладонью к столу очередной рапорт. – И в тыл к ним тебя пока не пошлю. Помни – ты военный разведчик!

И Волков работал. Выезжал в командировки, выявлял заброшенных врагом агентов, готовил людей для разведки в глубоком тылу врага.

Получив у Козлова материалы по выходившей в эфир немецкой агентурной станции с позывными ФМГ, Антон положил перед собой чистый лист бумаги, карандаш, закурил папиросу и начал размышлять. Его тревожило, что абвергруппа 205, радиоцентр которой вызывали для связи вражеские агенты, готовила свои «кадры» для глубокого внедрения, для ведения разведки в нашем дальнем тылу.

Сколько времени враги уже находятся здесь? Ориентироваться на то, что службы радионаблюдения впервые засекли их в эфире всего несколько дней назад, нельзя – они могли мол-

чать очень долго, ожидая своего часа и, получив условный сигнал, начать действовать, включиться в проведение спланированной немецкой разведкой операции. Какой? Каковы ее цели, направленность? Что они передают своим хозяевам?

Дешифровщики пока топтались на месте, мучаясь над колоннами цифр перехваченной вражеской шифртелеграммы. Что за этими цифрами? Если враг осел достаточно давно, еще в прошлом году или в самом начале войны, то отыскать его окажется весьма сложно – он успел прижиться, приобрести необходимые документы и связи, «врасти» в обстановку, словом, стать привычно незаметным для окружающих. Иначе их давно бы уже выявили. И что означает предположение службы пеленгации о перемещении рации во время сеанса связи? Работали из двигавшегося по дороге автомобиля?

Восточный пригород Москвы – это огромный Измайловский лесопарк, с его лучевыми просеками и спрятавшимися за высокими сугробами дачами, множество мелких деревень, уходящее на Горький шоссе, лесной массив, начинающийся почти сразу за Преображенским, Перово, Кусковский парк со старинной усадьбой, Люблино, Капотня. А других населенных пунктов сколько – Беседы, Мильково, Алексеево, Кишкино, Денисьево, Выхино, Косино, Плющево, Калошино...

И среди всех них, как иголку в стоге сена, надо отыскать затаившуюся вражескую агентурную станцию. Когда она вновь выйдет в эфир, в какой день, в какое время и в каком месте?

Если враг использует для передвижения во время передачи автомашину или повозку, то в следующий раз рация может объявиться уже совсем в другом районе, и тогда круг поиска неизмеримо расширится. Немецкие агенты тоже не дураки – они прекрасно понимают, чем и как рискуют, входя в эфир рядом с Москвой, поэтому они могут начать скакать как зайцы, стараясь бесконечно менять места, запутывая след.

Перемещение рации во время сеанса говорит еще об одном – станция работает от батарей. Очень долго они храниться не могут, а это косвенно указывает на относительно недавнее присутствие здесь пособников немцев. Однако как быть, если батареи им доставили курьеры или сбросили с самолета в условном месте? И все же это еще одна нитка: батареи в конце концов сядут и агенты волей неволей будут вынуждены искать способ получать питание для рации. Появится шанс обнаружить ее точное местоположение. Но у них может иметься аккумулятор. Вот чертова загвоздка!

А если попробовать зайти с другой стороны – кроме раций существуют люди, которые стучали на ключе, вызывая радиоцентр абвера. Наверное, в первую очередь необходимо тщательно проверить всех недавно прибывших в Москву в командировки и на постоянное место жительства, а также недавно вернувшихся из эвакуации. Правда, таких людей наберется немало, а потом придется еще более расширять круг проверяемых лиц, добираясь до тех, кто появился здесь с началом войны или не уехал, не оставил город в сорок первом. Надо не забыть и прибывших по демобилизации.

Что ж, тогда будем подключать к поиску военкоматы и территориальные отделы милиции, естественно, полностью не раскрывая причин интереса государственной безопасности к проверяемым. Тяжелая предстоит работа, напряженная, но сделать ее необходимо в самые сжатые сроки.

Одновременно подготовим и пошлем запросы за линию фронта – пусть сообщат все имеющиеся данные на тех германских агентов, которые готовились к заброске в наш глубокий тыл. Еще раз проработаем самым внимательным образом материалы по уже выявленным и задержанным немецким разведчикам. Не может такого быть, чтобы где-нибудь да не нашлось хотя бы маленькой зацепочки, потянув за которую можно вытащить на свет всю вражескую цепочку.

Глава 2

Радиостанция в Барановичах передавала музыку из фильма «Голубой ангел». Красивого тембра голос пел «Лили Марлен»:

И когда твой милый голос призовет,
То даже из могилы поднимет, приведет,
И тень моя тогда опять,
Как прежде, сможет рядом встать
С тобой, Лили Марлен!

Клюге хрипловато мурлыкал себе под нос, подпевая динамику, но заметив, как недовольно покосился на него оберфюрер, замолк. Сидевший рядом Эрнест Канихен только чуть усмехнулся и закрыл лицо иллюстрированным журналом с полуобнаженной красоткой на глянцевогой обложке.

Ровно гудели моторы транспортного юнкерса. Внизу, черточками на снегу, виднелись деревья густых лесов, нитками вились между ними узкие дороги, выводившие к заваленным снегом селениям.

«Беларутения», – вспомнив новое название Белоруссии, желчно усмехнулся смотревший в иллюминатор Бергер. Ему было интересно: удастся или нет хотя бы заметить следы партизан на снегу, следы тех самых лесных бандитов, о которых он так много читал в донесениях, приходящих в РСХА – главное управление имперской безопасности.

Самих партизан он увидеть даже не надеялся, они наверняка хорошо замаскировались и прячутся при звуке самолетных моторов, а вот если удастся разглядеть следы, можно с полным основанием говорить об этом на совещаниях, утверждая, что в борьбе с лесными бандами авиация используется недостаточно эффективно.

Не зря он решил не связываться с поездами – они теперь тащатся жутко медленно, а нетерпение Этнера и рейхсфюрера Гимmlера слишком велико. Да и безопасней самолетом – Ганденмюллер, статс-секретарь министерства транспорта, хотя и любимец фюрера, но все же получил от него приличную взбучку за беспорядки на железных дорогах и отсутствие на них должной безопасности движения. Бедный статс-секретарь, ему совершенно нечем оправдать то, что поезда теперь частенько идут от Варшавы до Минска по четверо суток.

Вглядываясь в снежный покров далеко внизу, Бергер решил по примеру англичан применить в борьбе с партизанами воздушное фотографирование лесов с различных точек. Нет, англичане не боролись ни с какими лесными бандами, но хитроумный толстый сэр Черчилль еще в прошлом, сорок втором году, приказал сосредоточить все наземное фотографирование в разведывательных целях в руках военно-морской разведки. Правильно, правь, Британия, морями. Но глупо не использовать уже удачно найденное и применяемое противником.

И вообще, Лондон, наверное, сейчас напоминает большой великосветский раут: все высокопоставленные беглецы из множества стран собрались там – король Хокон, королева Нидерландов Вильгельмина, король Греции Георг, король Югославии Петр, герцогиня Люксембургская Шарлотта, глава правительства свободной Франции Де Голль, бывший президент Чехословакии Бенеш, бывший президент Польши Рачкевич. Конечно, в большинстве это политические трупы, но как заманчиво сделать из них трупы физические, а немецкие бомбы, как назло, еще никого из «бывших» не нашли...

Летчики выключили музыку, моторы загудели сильнее, самолет начал разворот, заходя на посадку. Бергер впился взглядом в иллюминатор, стараясь разглядеть посадочную полосу. Сзади завозились Клюге и Канихен, которых он, как личную охрану, повсюду таскал за собой.

Внизу мелькнули домики, казавшиеся маленькими и приземистыми, несколько автомобилей, широкое поле с темневшими на его краю перелеском – убогая картина, совершенно не радующая глаз.

Самолет слегка тряхнуло – колеса шасси коснулись посадочной полосы. В салон вышел один из пилотов, готовясь открыть люк и спустить трап.

– С благополучным прибытием, господин обер-фюрер, – улыбнулся он, проходя мимо Бергера. Тот в ответ только сухо кивнул, застегивая длинное кожаное пальто с пушистым меховым воротником.

Открылся люк. Ступив на узкую ступеньку трапа, Бергер почувствовал, как в лицо ударил порыв ледяного ветра; сразу стянуло кожу, губы сделались немymi и непослушными. От автомашины, стоявшей почти под крылом самолета, придерживая фуражку, навстречу ему торопился фон Бютцов.

– Как долетели? – уважительно пожимая руку обер-фюрера, спросил он.

– Нормально, – отворачиваясь от ветра, буркнул Бергер. – Со мной Клюге и Канихен, пусть едут во второй машине. На дорогах спокойно?

– Да, – распахивая дверцу автомобиля, заверил встречавший. – Основные банды партизан действуют в стороне от нас.

Усевшись на заднее сиденье, Бергер потер ладонями уши – холодно, черт побери! Рядом устроился Бютцов, и машина тронулась, выезжая на шоссе.

В присутствии водителя не разговаривали. Бергер смотрел в окно, на мелькавшие по сторонам дороги заснеженные поля и перелески. Пожалуй, если бы не этот мороз, можно было подумать, что ты опять в Польше, где уже приходилось бывать. И вообще, где ему только не приходилось бывать, даже в России, еще до войны.

Свою карьеру Отто Бергер начинал в газете, работая простым репортером. Как же давно это было, как давно, задолго до Первой мировой войны... Денег в семье катастрофически не хватало, и Отто, тогда учившийся в университете, вынужден был искать приработок. У него оказалось острое, бойкое перо и хороший нюх газетчика, писал он легко, безошибочно улавливая настроения обывателя, и редакторы всегда оставались им довольны. Так и дотянул до диплома, а получив его, уехал в Южную Америку искать богатства.

Не нашел и вернулся обратно в Германию, как раз перед войной. Потом пришлось понюхать пороха, отвалиться в госпитале с ранением в руку – и сейчас, бывает, ноет к перемене погоды старая рана, – пережить ужас революции восемнадцатого года. Похоронить родителей и остаться практически без средств к существованию. Кому был нужен в разоренной стране его университетский диплом?

Шатаясь без дела по улицам, Отто пристрастился к посещению собраний и митингов – любопытно слушать замысловатые бредни, якобы способные спасти страну, вырвать ее из хаоса и повести к прекрасному будущему. Вскоре он научился хорошо ориентироваться в программах и платформах различных политических группировок, но это не заменяло куска хлеба и тарелки супа. Вспомнив о своих прежних репортерских удачах, Отто накропал статейку о политике, в которой яро ратовал за отмену соглашений стран Антанты по Германии. Статью не опубликовали. Мало того, ему предложили больше вообще не приходить в редакцию. Обиженный Бергер ушел, хлопнув дверью, но на прощание пообещал когда-нибудь вернуться, чтобы разобраться с засевшими здесь предателями нации.

С горя направился в пивную, где за одним столиком с ним оказался незнакомый субъект. Разговорились. Узнав, что Бергер юрист по образованию, новый знакомый смеялся до слез: кому это сейчас надо, среди поразившей страну красной вакханалии? Вот если бы Отто умел хорошо владеть оружием! Бергер второй раз за тот день обиделся – он бывший солдат и, кроме того, с детства состоял в клубе стрелкового общества.

– Это другое дело, – новый знакомый вытер слезы смеха на глазах. – Сейчас важнее штык, чем перо! Надо решительно покончить с красной заразой, стереть из нашей истории «черный день» германской армии восьмого августа восемнадцатого года.

Так Бергер попал в ряды «теневого рейхсвера». После подавления революции он работал во Франции, в представительстве одной из крупных фирм, благо, прилично владел французским языком. Потом вернулся в фатерланд и с помощью знакомых устроился в одну достаточно популярную и солидную газету, начав писать статьи в поддержку все более набиравшего силу национал-социалистического движения. Вскоре и сам вступил в НСДАП, а затем был принят в СС. Знание языков и политических течений привели его в РСХА.

В тридцать пятом он женился на Эмме фон Бютцов, кузине Конрада фон Бютцова, встречавшего его на аэродроме. Эмма, конечно, не очень красива, но мила, воспитана, хозяйственна и имела весьма приличное приданое, а связи ее родни помогли Бергеру продвинуться по службе. В тридцать седьмом у них родился первенец, а в тридцать девятом – второй ребенок.

Сейчас Отто часто думал, что поздняя женитьба имеет свои положительные стороны: по крайней мере, его дети не успеют попасть на фронт этой войны. Эмма с детьми жила в небольшом имении в Баварии, поэтому не стоило опасаться налетов английской авиации, а там будет видно, что и как.

Сослуживцам он терпеливо объяснял, что хозяйство требует постоянного внимания, да и дети слабы здоровьем, поэтому им лучше жить вдали от шумного города. Про бомбардировки Берлина, он, естественно, умалчивал, проклиная про себя борова Геринга, до войны торжественно заверявшего всех, что ни одна бомба не упадет на имперскую территорию.

А насчет красоты жены... Это ли главное в жизни? Обладая острым, холодным и изворотливым умом, приобретя опыт полицейской работы, Бергер стал еще более скрытным, осторожным и трезво рассчитывал все свои шаги, как на службе, так и в семейной жизни. И пока еще не ошибался.

– Подъезжаем, – прервал затянувшееся молчание Бютцов.

Машина проскочила через дамбу на озере, мимо старого костела, на белых стенах которого причудливой вязью лежали тени голых деревьев, освещенных выглянувшим из-за туч солнцем, и въехала по мосту в ворота замка.

– Половину здания занимает госпиталь люфтваффе, – вылезая из автомобиля, пояснил Бютцов, – а в другой располагаюсь я и мои люди.

Бергер осмотрелся. Здание замка со всех сторон охватывало двор: высокие окна, толстые стены, на флагштоке башни приспущенное белое полотнище с красным крестом.

– Я приказал приготовить для нас комнаты на своей половине. Прошу! – беря под руку гостя и ведя его к дверям, сказал хозяин.

Распахнув дверь, он повел оберфюрера по лестнице наверх.

– Обед готов. Надеюсь, не откажетесь?

– Пожалуй, – согласился Бергер.

Проходя через приемную в кабинет, он бросил быстрый оценивающий взгляд на вставшего при их появлении пожилого человека в штатском.

– Кто это? – спросил оберфюрер, когда Бютцов плотно закрыл двери.

– Мой переводчик, – тонко улыбнулся Конрад. – Местный, фамилия Сушков.

Пожав плечами, Бергер снял пальто, подошел к умывальнику, тщательно намылив, вымыл руки. Вытирая их полотенцем, покосился на хозяина.

– Зачем он? Вы прекрасно владеете польским и русским. Не хотите, чтобы окружающие знали об этом? Резонно... О, какой стол! Я начинаю чувствовать себя дорогим гостем. – Он уселся, взял салфетку и заправил ее за ворот мундира.

– Ваших людей устроят и накормят, – усаживаясь напротив и ухаживая за гостем, сообщил Бютцов. – Какие новости в Берлине?

– Недавно были новые испытания на полигоне, – пододвигая к себе тарелку, ответил Бергер. – Фюрер остался недоволен. Броня не выдерживает выстрела русского танка, а до бесконечности увеличивать ее толщину невозможно – теряются боевые качества машины, понижается маневренность. Но секреты брони не наше дело. Как начальник СС и полиции безопасности Белостока Отто Гельвиц? Помог вам?

– Да, я ему очень признателен, – наливая в рюмку гостя коньяк, кивнул хозяин.

– У вас, видимо, фамильная любовь к замкам и поместьям, – заметил Бергер. – Помните Польшу сорокового, замок Пилецкого, начальника абверкоманды Ругге, полковника Марчевского, эмигранта Тараканова, оказавшегося агентом русской разведки?

– Еще бы, – помрачнел Конрад, дотронувшись кончиками пальцев до шрама на голове. – Он чуть было не отправил меня на тот свет. А как Марчевский?

– Абвер все еще носится с ним, – закусывая, ответил оберфюрер. – Единственно, кого жалко, так это беднягу Байера, погибшего при взрыве в казино. Помните его прозвище – «Бешеный верблюд»?

– Все еще подозреваете Марчевского? – усмехнулся Бютцов.

– Слишком мало информации, одна интуиция, – откликнулся гость.

Конрад снова дотронулся до шрама и из-под полуопущенных век бросил испытующий взгляд на Бергера: неужели тот догадывается о его тайне или даже знает ее?

Тогда, в сороковом, Бютцов работал в Польше под именем русского эмигранта Вадима Выхина и выявил проникшего в абвер английского агента Дымшу, а потом вышел на след русского разведчика, скрывавшегося за чужим прошлым некоего Владимира Тараканова. Англичане и русские охотились за картотекой бывшей белопольской разведки, попавшей в руки абвера. В Берлине изготовили ложную картотеку и сумели всучить ее англичанам, но настырный русский разведчик докопался до настоящей.

Попытка задержать его окончилась неудачей, а у Бютцова после этого появился шрам на голове – русский отлично владел оружием и только чудо спасло штурмбаннфюрера. Второе чудо сотворил он сам, когда убедил руководство в том, что советский разведчик тоже получил только ложную картотеку. Тем более, при переходе границы Тараканову всадили пулю в спину и вряд ли он выжил – Конрад и сам неплохо стрелял!

А теперь оберфюрер Бергер, облеченный доверием и полномочиями группенфюрера Этнера и самого рейхсфюрера Гимmlера, вдруг вспомнил о той казавшейся давно забытой истории. Почему? Догадывается о промахе дальнего родственника по линии жены или точно знает? Но если он знает и молчит, то...

Тем временем Бергер встал, отбросил салфетку, подошел к окну, выходившему в парк, и достал сигару.

– Благодарю, Конрад, обед великолепен, – прикурив, он выпустил синеватый клуб ароматного дыма и слегка отодвинул занавеску. – Чудный парк. Чье это имение?

– Один из замков Радзивиллов, владевших несметными сокровищами. Вы когда-нибудь слышали о знаменитых «двенадцати апостолах»? Нет? У князя были двенадцать апостольских фигур из золота и серебра, украшенных драгоценными камнями. Одной из этих «статуэток» хватило бы, чтобы оплатить все затраты экспедиции Наполеона в Египет. Говорят, они до сих пор здесь, в замке.

– Поэтому в парке копошатся саперы? – ткнув сигарой в сторону окна, желчно усмехнулся Бергер. – Вы неисправимый романтик, Конрад.

– Мы уже нашли несколько бесценных полотен, спрятанных в подвалах, – сообщил Бютцов. – Поэтому содержание здесь саперов полностью себя оправдывает. Русским было некогда заниматься поисками сокровищ Радзивиллов, да они и не очень-то в это верят. Хотя, когда они пришли сюда во время войны с Наполеоном, искали.

– Это были другие русские, – отошел от окна оберфюрер. – Я приехал, чтобы ускорить проведение операции «Севильский цирюльник», поэтому и спрашивал о контактах с начальником СС и полиции безопасности Белостока. Вы готовы? Берлин давно начал свою работу через нейтральные страны.

– Да, – подобрался Бютцов. – Разговор пошел о серьезных вещах и стоило быть внимательным, очень внимательным. Бергер не любил повторять дважды, а его мысли, пусть даже высказанные не до конца, нужно ловить на лету. Он большой мастер длинной политической интриги, у которого есть чему поучиться.

– Начальник местного гестапо в детали не посвящен, но готов выполнять наши указания и подготовил все необходимое. Абвер выполняет свою функцию, отведенную ему в операции. Люди подобраны, роли распределены.

– Вот и начнем, – как бы подводя итог, сказал Бергер. – Не спеша, но поторапливаясь.

– Я готов проводить вас в ваши комнаты, – предложил Конрад.

– Распорядитесь, чтобы переводчик не торчал в приемной, – бросил Бергер, вновь отходя к окну. Бютцов вышел.

Оберфюрер посмотрел на заснеженный большой парк, на темные фигурки саперов, взошедших на берегу скованного льдом озера, на удлинившиеся тени деревьев: солнце клонилось к закату – зимой рано темнеет. Небольшая стая ворон кружилась над вершинами деревьев, видимо, выбирая место для ночлега; вокруг садившегося солнца клубилась красноватая туманная дымка, обещающая на завтра мороз с ветром; в стороне, похожие на темно-серые призрачные горы, плыли по небу снеговые облака.

Тихо, даже раздражающие слух крики ворон не долетают сюда, в жарко натопленный кабинет старого замка, не могут проникнуть через двойные стекла высоких, почти до пола, окон.

– В Польше тоже был парк, – тихо сказал оберфюрер и задумчиво побарабанил пальцами по чисто протертому стеклу...

* * *

Ночь выдалась морозной, ясной; на небе блестели мелкие холодные звезды, словно застывшие в невообразимой вышине колючими снежинками, снег под сапогами тонко взвизгивал, и Сушков, чувствуя, как зябко пробирается под пальто мороз, невольно прибавлял и прибавлял шаг, пытаясь согреться. От холода сильно ныла давно покалеченная нога, и он прихрамывал еще больше – от боли и от торопливости, – но ничего не мог с собой поделать. Пойдешь медленнее – меньше хромаешь, зато крепко мерзнешь, пойдешь быстрее – начинаешь согреваться, но сильнее хромаешь.

Городок с наступлением темноты притих, словно стал меньше ростом, вжавшись своими домами глубже в сугробы, как будто желая зарыться в них, сделаться совсем незаметным, потерянным и забытым всеми на страшной и проклятой войне. Да разве забудут про тебя в лихое времечко, дадут жить и дышать спокойно, пусть даже с голодным брюхом?

Прохрамав мимо громады костела, Сушков отметил, что в домике ксендза тусклым красноватым светом светилося окошко, закрытое изнутри занавесками; не спит пан ксендз, занят какими-то делами. Впрочем, в других домах тоже не спали: рано еще, всего девять вечера, а темнота на улицах, как в преисподней. И луны почти не видно, только холодные звезды да белые саваны сугробов на улицах.

Свернув за угол узорной ограды костела, переводчик пошел прямо по проезжей части улицы – немцы в такое время обычно не ездят, а местным положено сидеть по домам: комендантский час. Опять же там, где тротуарчики,росло много льда – недавно случилась оттепель, – а куда хромому на лед? Лучше уж так, прямо по дороге.

Из переулка вышел патруль комендатуры. Старший патруля взмахом руки подозвал Сушкова к себе. Осветив его лицо фонарем и узнав переводчика, попросил у него закурить.

«Экономит свой, сволочь, – подумал Дмитрий Степанович, стягивая с руки перчатку и доставая пачку сигарет. – И тут норовят на чужом проехаться».

Подошли стоявшие сзади солдаты, тоже протянули озябшие руки к раскрытой пачке. Сушков, с любезной улыбкой на лице, позволил им вытянуть по паре сигарет. Вместо благодарности старший патруля похлопал его по плечу, и немцы, съезжившись от холода, побрели дальше.

Чертыхнувшись про себя – надо же, шесть сигарет утягали, а это те же деньги в оккупации, – переводчик захромал к старым торговым рядам на базарной площади. Если бы в патруле были полицаи, они не позволили себе такого, а для немцев он, если поблизости нет его шефа, является существом низшего порядка.

Перебравшись через наметенные ветром сугробы на площади, Сушков нырнул в узкий переулочек, застроенный ветхими домишками с низкими подслеповатыми окошками, покрытыми слоем наледи. Прижавшись к закрытым воротам одного из дворов, он затаился, выжидая – не появится ли кто, бредущий следом за ним? Стоял, терпеливо снося стужу, стараясь не переступить ногами, чтобы не скрипеть снегом, и, подняв клапан треуха, пытался уловить далеко разносящийся в морозной тишине звук чужих шагов. Нет, вроде никого, можно идти дальше.

Переулочек вывел на параллельную улицу – такую же темную, заснеженную. По узкой тропочке, протоптанной между заборами, Сушков пробрался на зады домов, снова немного постоял, чутко прислушиваясь и всматриваясь в темноту, потом захромал мимо колодца к крыльцу одного из домиков. Постучал.

– Кого Господь послал? – донесся через несколько минут из-за двери женский голос.

– Михеевна? Открывай, это я! – притоптывая ногами на морозе, поторопил Сушков. – За валенками пришел.

Дверь открылась, и его впустили. Пройдя следом за пожилой, закутанной в большой клетчатый платок женщиной через сенцы, переводчик оказался в освещенной самодельной лампой комнате.

– Слава Иисусу Христу! – по местному обычаю поздоровался с ним сидевший за столом рыжеватый мужчина и кивнул на табурет. – Садись, стягивай одежду и сапоги, грейся. Михеевна! Поддай человеку валенки с печи, небось ноги задубели.

Сушков размотал шарф, снял пальто, сел на табурет и с трудом стянул с ног сапоги. Потом с удовольствием сунул ноги в поданные Михеевной теплые валенки с обрезанными голенищами.

– Возьми там, во внутреннем кармане пальто, – велел он старухе. – Принес вам кой-чего.

– Спаси Христос, – та забрала сверток и исчезла.

Чувствуя, как разливается по телу тепло и перестает ныть больная нога, как отмякает он после мороза, переводчик закурил, угостив сигаретой хозяина. Помолчали.

– Прилетел сегодня, – наконец сообщил Сушков. – Важный, высокого роста, худошавый, волосы редкие, с сединой. Наверное, не очень хорошо видит: когда на меня поглядел, щурился. Звания не знаю: он был в кожаном пальто с меховым воротником, без погон, но фуражка черная, эсэсовская. Либо генерал, либо полковник, не меньше. Уж больно они перед его приездом суетились. Жить, как я понял, будет в замке. Да, с ним еще два эсэсовца приехали, я видел в окно, как они из машины выходили, а потом меня из приемной выгнали.

– Та-а-а-к, – протянул хозяин. – Гостек дорогой пожаловал. А зачем? Чего они говорили, слышал?

– Нет, – отрицательно мотнул головой Дмитрий Степанович, – не удалось. Потолкался внизу, но наша охрана сама толком ничего не знает. Устал я, сил просто нет, – пожаловался

он, жадно досасывая окурочек сигареты. – Все время как на иголках. Шеф без конца проверяет, разговоры заводит какие-то скользкие.

Примяв окурочек в заменявшем пепельницу глиняном черепке, Сушков тяжело вздохнул: не силен он в риторике, а то бы в жутких красках описал свое состояние – ни на минуту не отпускающий, сосущий под ложечкой страх, бессонные ночи, когда вздрагиваешь от каждого звука и все время чудится, что за тобой пришли. Второй год тянется этот кошмар, с зимы сорок первого.

В оккупации и так несладко, а тут еще работаешь на немцев, да связан с лесом. Добро бы еще никогда не видел, как в фельдгестапо выбивают из задержанных показания, с хрустом ломая пальцы, загоняя иглы под ногти, обливая потерявших сознание водой из ведра, а когда такое видишь, поневоле начнешь за себя бояться – немцы совсем не дураки, имеют опытных полицейских, гораздых на разные выдумки, цепких, приученных работать не за страх, а за совесть.

Да, у них тоже своя совесть, свои идеалы, свои понятия обо всем происходящем, свой кодекс чести. Когда он однажды сказал об этом сидящему напротив него рыжеватому человеку, тот только усмехнулся и начал объяснять про фашизм и классовую борьбу. Но какое дело Сушкову до классовой борьбы, когда он сам боролся не на жизнь, а на смерть, боролся за себя, за Россию? Зачем ему читать политграмоту, разве он слепой и не видит, что творит враг на его земле? Не видел бы, не понимал бы, не стал бы связываться с партизанами, а просто донес немцам, когда с ним установили связь.

Кто этот рыжеватый мужчина? Уже почти год он принимает у себя переводчика, но они так и не стали ни друзьями, ни даже приятелями – вместе делали общее опасное дело, уважительно относились друг к другу, и все. Иногда Сушков думал, что рыжеватый Прокоп – так звали хозяина, – оставленный здесь при отступлении чекист, а может быть, такой же, как он сам, человек, случайно, волею военного времени увязший в хитросплетениях подпольной работы, не разбирающий, кто ты и что ты. Просто пришло время выбрать, по какую сторону встать, и они оказались рядом, а могли оказаться и с разных сторон.

Часто, отправляясь по распоряжению своего шефа в особняк на Почтовую, переводчик боялся увидеть на очередном допросе рыжего Прокопа, сидящего со скованными руками перед следователем гестапо: шеф иногда любил оказывать любезность людям из этого ведомства, предоставляя им своего переводчика, и каждый раз, шагая к уютному особнячку, Сушков потел от страха, с трудом переставлял ноги – вдруг его заманили в ловушку? Вдруг немцам уже все известно про него? А потом наступала тошнотворная слабость и хотелось пить в лоскуты, чтобы забыть мучительные кошмары и проклятый, не дающий покоя, страх.

Неужели Прокоп не понимает, как устаешь от такой жизни, от вечного раздвоения, подслушиваний, подглядываний, запоминания текстов переводимых документов? Устаешь чувствовать на себе иронично-изучающий взгляд шефа – Конрада фон Бютцова, – неизменно ровного в общении и приветливого, но иногда вдруг поглядывающего на своего переводчика глазами сытого кота, еще вдоволь не наигравшегося с пойманной мышью. Сушков просто кожей чувствовал этот взгляд, но ни разу не сумел поймать выражение глаз шефа: стоило только обернуться, как встречаешь лениво-доброжелательную улыбку. И эти его «доверительные» разговоры о жизни, о прошлом, о роли человека, «маленького человека», на большой войне... Поневоле о многом задумаешься.

Когда он, не в силах более терпеть, жаловался Прокопу, тот лишь досадливо отмахивался – нервы, мол, крайнее напряжение сил, а даром ничего не проходит. Надо держать себя в руках и делать дело, а страшно всем: только идиоты не ведают сомнений и страхов. И обещал вскорости помочь уйти в лес, вот еще немножко – и все.

Раз за разом, приходя к Прокопу в его старенький домишко, где он квартировал у Михеевны, Сушков надеялся услышать долгожданные слова, что – конец, можно уходить, но появ-

лялись неотложные дела, партизанскую разведку интересовали новые и новые сведения, и уход в лес опять откладывался. Теперь снова придется ждать – наверняка последует задание узнать, кто прилетел и зачем.

– Работа у него такая, – криво усмехнулся Прокоп. – Не хотел я тебе, Дмитрий Степанович, до времени говорить, но надо. Узнали мы, чем твой шеф занимается. В СД он служит. Понял?

– А как же лесоразработки, рабочая сила? – побледневшими губами прошелестел Сушков. Боже, с кем же рядом он провел почти год! То-то так беспокойно на сердце в последнее время – чувствовал, значит, что все не так просто. – Он же тут по снабжению. А госпиталь?

– Для отвода глаз, – объяснил хозяин явки. – Ловкие, дьяволы, умеют туману напускать, концы в воду прятать. Вишь, ты с ними сколько работаешь, а ни о чем не догадался.

«Догадывался, – хотел возразить переводчик. – Тебе сколько раз толковал, а ты отмахивался от моих подозрений: нервы, мол, всем страшно».

Но он промолчал, понуро опустив поседевшую голову.

– Сам посуди, – хрустнул пальцами Прокоп, – станут они из Берлина важную шишку присылать незнамо к кому? Значит, твой Бютцов тут какие-то интриги плел втихую, а теперь его либо инспектировать приехали, либо еще чего. А вот чего? И кто приехал? Узнать надо – кто и зачем.

Он встал, подошел к печи, потрогал ладонью чайник. Достал две кружки, поставил их на стол.

– Давай, Дмитрий Степанович, чайку соорудим. Кипяток знатный, а заварка из брусничных листьев с травками, организму польза, да и с морозу хорошо. – Налив чай в кружки, Прокоп опять уселся за стол, подпер голову кулаком и задумчиво сказал: – Кабы раньше у нас связь была со своими, давно бы про твоего хозяина узнали. Вот ведь, болячка, – хлопнул он ладонью по столу, – ведь мы его подстрелить хотели, когда он по лесозаготовкам шастал! Однако сберегли, чтобы на тебя подозрения не пало, а кабы раньше знать, так расстарались бы и уволокли живьем в лес. Ну, да чего уж... Теперь на тебя надежда.

– Я попробую, – прихлебывая горький напиток, пообещал Сушков. – Только сейчас, думаю, работать станет сложнее.

– Это да, – согласился хозяин явки. – Валенки тебе впору? Забирай. Не новые, конечно, подшитые, зато завоеватели не позарятся...

Домой переводчик шел уже в валенках, неся сапоги под мышкой. Так же холодно мерцали звезды в темном небе, поскрипывал снег, поднявшийся студеной ветер гнал легкую колючую поземку, наметая на дороге небольшие сугробы и разбойно посвистывая в ветвях голых деревьев, словно грозя неведомому путнику, заплутавшему в ночи.

* * *

К станции назначения поезд подходил утром. Ромин продышал в замерзшем окне дырочку и преник к ней глазом, вглядываясь в медленно проплывавшие мимо закопченные пакгаузы, длинные ряды разбитых платформ на соседних путях, высокие, с одной стороны словно зализанные ветрами сугробы с торчащими из них темными свечами столбов телеграфной связи. В коридоре вагона уже суетились пассажиры, противно хныкал чей-то ребенок, беззлбно переругивались два инвалида, поминая матерей Гитлера и Муссолини.

Напарник ушел – его очередь вылезать на мороз с флажками в руке, – а Ромин, наслаждаясь теплом, прикидывал: как сегодня пройдет встреча с нужным человеком? Вдруг тот запоздает, и куда тогда деваться? Вон какое солнце светит за окнами вагона – красное, мохнатое, в ореоле морозной дымки. Прижало, наверное, стужей, никак не меньше минус двадцати, а в

дохлой железнодорожной шинельке не очень-то попрыгаешь на улице, да и обувь тоже не для таких морозов, как на Урале.

Если связной запоздает или не придет – беда. Домой к нему заявляться нельзя, а вечером поезд уйдет обратно, и тогда новая встреча состоится не раньше чем через неделю. За это время чего только не передумаешь, каких снов не перевидишь – начнет глотать тебя червь сомнений: отчего не пришел человек в условленное время, что с ним случилось, вдруг взяли?

Нет, такие мысли лучше гнать от себя подальше, не то так нервы измотаешь, что, как последняя пьянь, не сможешь спокойно ложку ко рту поднести, всю похлебку по дороге расплескаешь. А ведь еще работать надо, обязанности справлять, разговаривать с разными людьми, улыбаться им, шутить, интересоваться положением на фронтах и делать вид, что радуешься успехам и огорчен неудачами, хотя все совсем наоборот.

Влез вроде бы в чужую шкуру, приросла она к тебе, стала родной – нигде не жмет, не давит, а вот поди же, лишь стоит задуматься и поволноваться, как вроде отходит она от кожи, эта чужая шкура-личина, и видно тебя самого – голенького, не защищенного, и мысль ужасная бродит: вдруг заметит кто и, как в той сказочке, начнет тыкать пальцем и во все горло орать: «Голый!» А на крик сбегутся... Хотя зачем крик, для НКВД достаточно слабого шепота.

Противно так жить, когда все вокруг чужие – и русские, и немцы, оставшиеся за линией фронта. И никто не помилует, не захочет понять, простить, пожалеть. А ведь бывает: слабнет человек, хочется ему тепла, участия, поплакаться кому-нибудь в жилетку, но некому слово сказать. Даже своему напарнику Ромин полностью не доверял и подозревал, что тот приставлен за ним смотреть – как бы не переметнулся на другую сторону.

«Правильно, – горько усмехнулся он, отодвигаясь от окна, – предатель, он для всех предатель. Если продал одних, то продашь и других, вопрос только в цене, а она известна: собственная жизнь. Ради нее готов на все, лишь бы оставили...»

Прислушавшись к голосам за тонкой перегородкой служебного купе, Ромин нагнулся, проверил, хорошо ли спрятан под полкой ящик с рацией. Убедившись, что все нормально, полез наверх, к багажной полке, стянул с нее свой мешок, развязал. Порывшись в нем, вытащил пистолет, передернув затвор, спрятал оружие под телогрейкой и надел сверху шинель. Застегнувшись, попробовал достать оружие и чертыхнулся – быстро вытащить пистолет никак не удавалось. Пришлось переложить его в карман шинели. Обычно он избегал носить оружие, но тут чего-то дурные мысли набежали, душа с места стронулась, а пистолет как будто придавал спокойствия и уверенности. Правда, еслипустишь его в ход, то уже не останется никаких путей к отступлению, ну да чего уж...

Поезд замедлил ход и остановился, громче загалдели пассажиры в коридоре, загремели поклажей, хлопнула дверь тамбура, по ногам потянуло сырым холодом.

Дождавшись, пока все стихнет, Ромин вышел из купе. Напарник выметал мусор. Его уса-тое лицо покраснело, он часто шмыгал носом и зло матерился сквозь зубы – убирать предстояло еще несколько вагонов.

– Я в город, – проходя мимо, бросил Ромин.

Он спрыгнул на перрон и быстро пошел к вокзальному зданию; мороз обжигал лицо, ветер забивал дыхание, и пришлось поднять воротник шинели, спрятав в него нос. Ромин вышел на привокзальную площадь и смело углубился в переулки. Через несколько минут впереди показался рынок.

Торговали вяло: продавцы отчаянно мерзли, покупатели торопливо перебежали между рядами, грустно поглядывая на выставленные для продажи картины, лампы, подвенечные платья и самодельные зажигалки. Цена высока, поскольку хлеб без карточек дорог, но зато на продукты или табак можно выменять практически любую вещь, а если предложишь еще и бутылку спиртного, тем более.

Бодро сделав круг по рынку, Ромин заметил топтавшегося около одной из немолодых торговек человека в замасленном ватнике и больших серых валенках с самодельными галошами из автомобильных покрышек. Сердце радостно екнуло – пришел!

Осторожно оглядевшись по сторонам – нет ли чего подозрительного, не проявляет ли кто из посетителей рынка повышенного интереса к человеку в ватнике, – Ромин подошел ближе и тронул его за рукав:

– Прикурить не дадите?

Тот достал из кармана спички – деревянный гребешок, военное производство, – отломил одну и протянул Ромину.

– На! Чиркнуть нечем. Табачку не найдется? Хотя бы на одну закруточку?

– Холодно здесь. Отойдем, насыплю.

Они пошли к выходу с рынка. По дороге Ромин несколько раз оглянулся, но на них никто не обратил внимания. Несколько успокоившись, он завел связного в первое попавшееся парадное старого дома. Достал пачку махорки, сунул ему в руки.

– Держи, а то еще увидит кто. Принес? Давай скорее.

– Да, – прижав к груди пачку махры, человек в ватнике подал Ромину туго свернутую бумажку. – Тут пробы воды, шлака и данные о присадках. Когда будете в следующий раз?

– Через неделю, – Ромин спрятал бумажку и выглянул из подъезда: улица была пуста. – Лучше приходите на вокзал. Там у поездов народу больше, особенно когда отправление или состав подают. На рынке стало неудобно встречаться. Сможете?

– Постараюсь, – засовывая пачку табака в карман брюк, ответил связной. – К следующему разу добуду анализы проб металла. Денег привезите.

– Ладно. Все, расходимся.

Ромин первым выскочил на улицу и шустро пошел к вокзалу. Немного подождав, вышел и человек в ватнике. Поглядев вслед уходящему железнодорожнику, он направился в сторону заводов и вскоре затерялся среди домишек окраины.

* * *

Профессор жил на Садовом кольце, недалеко от прежней Сухаревки, и Волков решил отправиться к нему пешком: какой уж тут путь – пройти до Сретенки, а там переулками.

Выйдя из подъезда, он минутку постоял, полной грудью вдыхая свежий морозный воздух. После прокуренных кабинетов на улице слегка закружилась голова, возникло шальное желание сделать приличный крюк через улицу Кирова и Бульварное кольцо – подышать, размяться, проветрить голову от постоянного недосыпания казарменного положения. Дома он бывал редко, раз в две-три недели – взять смену белья, помыться, немного отоспаться, если позволяли дела и начальство.

Родные уехали в эвакуацию, квартира стояла пустая и пыльная, с нежилым сырым запахом. Антон вынимал из почтового ящика редкие письма, поднимался к себе, ставил на плитку чайник и нетерпеливо надрывал конверты, желая скорее прочесть написанные матерью строчки – как они там? Можно считать, его родным повезло: муж сестры Иван забрал их с собой при эвакуации дипломатического корпуса, а позже Антон переслал им свой офицерский аттестат. Но как редко удавалось зайти в свою квартиру!.. Опустив руку в карман шинели, Волков нащупал ключи от дома и, грустно улыбнувшись, зашагал мимо клуба имени Дзержинского к Садовому кольцу.

Снег на улицах начал немного оседать, потерял свою белизну, потемнел и сделался жестким, а в воздухе явственно пахло весной – пусть еще далекой, но неизбежно должной прийти второй военной весной. Какой она будет? Конца войны пока не видно, довоенные заверения о

том, что будем воевать малой кровью и на чужой территории, вспоминать теперь не принято и, более того, просто опасно.

Накрепко забыт и прежний громкий лозунг: «Через неделю Варшава, через две недели – Берлин». Нет, в Берлин мы, конечно, придем, но когда? И сколько еще эта дорога потребует жертв на фронте и в тылу?

Помнится, в начале войны в своих речах, посвященных двадцать четвертой годовщине Великого Октября, произнесенных на военных парадах в Воронеже и Куйбышеве, маршалы Тимошенко и Ворошилов ни словом не обмолвились ни о потерях, ни о прежних лозунгах. Товарищ Сталин, выступая с докладом на совместном торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями города Москвы шестого ноября сорок первого года, сказал, что за первые четыре месяца войны мы потеряли убитыми триста пятьдесят тысяч и пропавшими без вести триста семьдесят восемь тысяч человек, а раненых имеем миллион двадцать тысяч. За этот же период враг якобы потерял убитыми, ранеными и пленными более четырех с половиной миллионов человек.

«Не может быть сомнений, – категорично заявил председатель Государственного Комитета обороны товарищ Сталин, – что в результате четырех месяцев войны Германия, людские резервы которой уже иссякают, оказалась более ослабленной, чем Советский Союз, резервы которого только теперь разворачиваются в полном объеме».

Антон невольно поежился. Резервы, конечно, разворачивались, но считать Германию ослабленной было, мягко говоря, несколько преждевременно. Да, об этом нельзя говорить, но думать ему никто запретить не может – думать, сопоставлять и анализировать. В сорок втором немцы опять перешли в наступление и нанесли серьезные удары, да и Сталинград потребовал от страны предельного напряжения всех сил.

Одиннадцатого декабря сорок первого, выступая в Рейхстаге, Гитлер тоже подводил некоторые итоги первых месяцев войны, огласив цифры потерь германской армии. По данным немецких штабов, с двадцать второго июня по одиннадцатое декабря германская армия потеряла убитыми около ста шестидесяти трех тысяч человек, ранеными – более пятисот семидесяти тысяч, пропавшими без вести – более тридцати трех тысяч. Всего: семьсот шестьдесят семь тысяч четыреста пятнадцать человек.

Была названа и цифра общего числа русских пленных – три миллиона восьмисот шесть тысяч человек. Совинформбюро тут же опровергло эти цифры, указав, что за пять месяцев войны мы потеряли без вести пропавшими и пленными не более пятисот двадцати тысяч бойцов и командиров. Конечно, каждая из воюющих сторон стремилась преувеличивать потери противника и преуменьшить свои, но огромная разница в данных невольно заставляла задуматься.

И еще – известная нота народного комиссара иностранных дел товарища Молотова «О возмутительных зверствах германских властей в отношении советских военнопленных», направленная двадцать пятого ноября сорок первого года всем послам и посланникам стран, с которыми СССР имел дипломатические отношения. Ведь не просто так она родилась?

Удивительно, что сотворил фюрер с трудолюбивой, музыкальной нацией за какой-то десяток лет. Или это все подспудно зрело в тайниках душ бюргеров и буршей, юнкеров и офицеров, лавочников и ремесленников? Работая за рубежом, Волков не раз слышал речи Гитлера. Ему не нужно было переводчика – прекрасно владея немецким, он с содроганием слушал, как динамик доносил до него голос «вождя»:

«Мы должны остерегаться мысли, сознания, и должны подчиниться только нашим инстинктам. Вернемся к детству, станем снова наивными. Нас предают анафеме, как врагов мысли. Ну что ж, мы ими и являемся. Я благодарю судьбу за то, что она лишила меня научного образования. Я себя чувствую хорошо... Мы живем в конце эпохи разума. Суверенитет мысли является патологической деградацией нормальной жизни. Сознание – это еврейское изобре-

ние, это то же самое, что обрезание, калечение человека... Ни в области морали, ни в области науки правды не существует. Только в экзальтации чувств можно приблизиться к тайне мира».

Бедная Германия, давшая миру столько гениев! Но более ли счастлива судьба России? Взять хотя бы тех же прославленных военачальников. С декабря сорок первого прошло больше года, маршалы Ворошилов и Тимошенко успели показать себя на фронтах, и не та у них теперь слава, о которой раньше пели, что-то не нашла она их под Ленинградом и Смоленском, под Москвой и Сталинградом. Сейчас потери обеих сторон значительно увеличились, напряженность на фронтах постоянно неизмеримо возрастает, каждый новый день войны требует массы продовольствия, техники, боеприпасов, людских резервов, вооружения. А тут еще засела занозой около Москвы вражеская агентурная станция.

Почему генерал Ермаков не передал материалы по ней в территориальные органы государственной безопасности, а поручил заниматься этим делом ему, майору Волкову? Что скрывается за до поры не расшифрованными колонками цифр посланного за линию фронта сообщения немецких агентов, какая тайна?

Видимо, у генерала есть на то веские причины, о которых Антону пока неизвестно, но станцию надо как можно быстрее обнаружить и узнать, о чем она передает, торопливо выступившая в эфир шифровки. Кому – уже известно, но о чем, от кого получены передаваемые сведения?

Место, откуда велась передача, тухлое – в сельских пригородах трудно обнаружить и взять вражеских агентов; деревенские усадьбы под Москвой густо застроены, там дровяные сараи, подвалы, погреба, заваленные старым скарбом чердаки, многие дома и дачи давно пустуют. Милиция и военкоматы уже ориентированы, работают, ищут, но надо скорее, скорее!

Специалисты по дешифровке только разводят руками – ничего не получается. Генерал предложил привлечь к работе знакомого профессора математики, уже несколько раз оказывавшего помощь в разгадывании подобных ребусов – и вот Антон шагает к нему домой, положив в карман гимнастерки листочек с колонками цифр. Что-то скажет ему профессор?

На перекрестке регулировала движение девушка-милиционер. Из-под форменной шапки-ушанки выбилась светлая прядь волос, лицо на ветру покраснелось, брови сердито нахмурены.

«Совсем еще девчонка, – подумал Волков. – А тоже, служит. Все война переломала, но привыкнуть к этому трудно. Умом вроде бы понимаешь, а сердце о своем говорит. Потом, когда кончится лихое время, станет трудно поверить, что все уже позади. Если, конечно, удастся дожить до такого светлого дня...»

Посмотрев на огромный дом, стоявший за спиной молоденькой регулировщицы, он вдруг вспомнил, как осенью сорок первого решили вопрос о создании внутреннего кольца обороны города и начали распределять между сотрудниками управления огневые точки в домах на Садовом кольце – толстостенных, с узкими, похожими на бойницы, окнами. Одному из оперуполномоченных из соседнего отдела, по горькой иронии судьбы, досталась, в качестве огневой точки, его же собственная квартира. А Москва готовилась к эвакуации и эвакуировалась, даже товарищ Сталин, как шепотком поговаривали, собирался уехать, но в самый последний момент передумал и остался.

Отыскав нужный ему подъезд, Волков поднялся на четвертый этаж – лифт не работал, – и постучал в высокую, обитую черной клеенкой дверь.

Профессор оказался высоким бледным человеком немногим старше Волкова – коротко остриженный, с тонкой шеей, замотанной теплым шарфом, в накинутом на плечи большим клетчатом платке, он приоткрыв дверь и настороженно оглядел стоявшего на площадке Антона.

– Вы от Алексея Емельяновича?

Звякнула скинутая цепочка, и Волкова впустили в полутемную прихожую.

– Проходите в комнаты, я сейчас. Шинель можете повесить сюда, – запирая дверь за гостем, хозяин показал на старомодную круглую вешалку с подставкой для зонтов и тростей.

Антон разделся и прошел в комнату, заставленную старой темной мебелью: высокие книжные шкафы, двухтумбовый письменный стол, заваленный бумагами; в углу – небольшой одинокий круглый столик под вязаной скатертью и «вольтеровские» кресла. За дверью прятался сервант с зеленоватыми стеклами в частых металлических переплетах, а на полу лежала облезлая медвежья шкура. Морда зверя злобно скалилась на каждого входившего, свирепо выпучив зеленовато-коричневые фарфоровые глаза.

– Подарок отца, в экспедиции убил, – объяснил профессор, входя в комнату следом за гостем. – Сейчас чайничек закипит, поболтаем, почаяевничаем. Вас как величать прикажете? Антон Иванович? Очхор, как писали студентам в зачетках, а я – Игорь Иванович. Ну, рассказывайте, какие новости на войне? Вы, наверное, лучше нашего брата-обывателя осведомлены? Садитесь вот тут, здесь удобнее. Если хотите, курите, пепельница справа.

Он устроился в кресле напротив и, плотнее закутавшись в свой плед, с извиняющейся улыбкой заметил:

– Мерзну, топят плохо, а у меня болячек, как у Жучки блох. Даже в ополчение не взяли. Вот и сижу тут, пишу, лекции читаю. Вы принесли э т о?

– Да, – Волков достал листок бумаги с колонками цифр и подал хозяину.

– Интересно, – пробормотал тот, поднеся шифровку ближе к глазам. Антон заметил, как слегка подрагивают тонкие нервные пальцы Игоря Ивановича.

– Германские шифры принципиально отличаются от наших, – откладывая листок, тоном лектора сообщил профессор. – Вы знаете, на каком языке эти циферки – на русском или немецком? Я имею в виду первоначальный текст сообщения?

Волков в ответ только развел руками и извиняюще улыбнулся.

– Понятно, – протянул Игорь Иванович. – Ладно, попробуем, поколдуем. Вообще-то, я специалист в другой области, но это, знаете ли, хобби, так сказать, конек, увлечение. Кстати, скажите мне, штатскому, почему ввели погоны?

– Традиции русской армии.

– Да, да, – покивал хозяин, – и враг опять тот же, и форма удивительно напоминает старую, царскую, только фуражки другие. Не находите?

– Плохо помню, – улыбнулся Антон. – Может, я пойду?

– Что вы, что вы, – вскочил Игорь Иванович, – без чая ни в коем случае не отпущу. Скучно бывает, – пожаловался он, расставляя на столе чашки, вазочку с тоненькими черными сухариками и голубое блюдо с двумя кусками пиленого сахара. – Вот, чем могу, не откажите ради бога.

– Неудобно, право, – засмутился Волков. Рядом с ним профессор казался подростком, неимоверно вытянувшимся вверх, но не нагулявшем на костях ни жира, ни мяса. «Объедайте только его, – подумал Антон, – знал бы, прихватил чего с собой, на будущее учту».

– Мои уехали, бедую один, – наливая чай, по-свойски рассказывал хозяин. – Хорошо, соседка заходит, помогает. С Алексеем Емельяновичем мы соседями по даче были, дружили. Как его семья, нормально? Вот и хорошо. Пейте, чай, настоящий, осталось немного, иногда балуюсь.

«Как он тут один справляется? – размышлял Волков, беря чашку. – Наверняка к быту не приспособлен, не знает, как толком карточки отоварить, чего сварить, а надо еще стирать, убираться, работать. И вид у него какой-то шалый, глаза словно внутрь себя смотрят, а не на собеседника. Смотрят, удивляются увиденному внутри, не в силах поверить».

– На фронте были? – прихлебывая из чашки, поинтересовался Игорь Иванович и, не дожидаясь ответа, продолжил. – А я, как мальчишка, сбегал. Честное слово. В ополчение не взяли, так я просто увязался за ними. Страшно, танки немецкие, взрывы. Мне всю жизнь не

везет: в первом же бою контузило и отправили в тыл. Едва оклемался. Вот так. А в детстве болел долго, со сверстниками почти не общался – все больше со взрослыми, с отцом, он у меня был астрономом, с мамой, их знакомыми... Постель, книги, долгие размышления, серьезные разговоры. Наверное, это и предопределило мою математическую специальность. Физика, математика, сухие теории для меня стали звучать музыкой – для теории не надо никуда идти, достаточно головы, листа бумаги и карандаша. Кстати, вы никогда не задумывались над тем, почему нам жизнь выдает билет только в один конец – от рождения до смерти, – и нет возможности вернуться на те станции, которые твой поезд уже миновал? Можно решиться сойти раньше, не доехав до конца, но вернуться – нет!

Волков притих в кресле и слушал этого странного человека с глазами мальчика, познающего устройство сложного окружающего мира и не перестающего удивляться его гармонии и загадкам. Разве с ним говорит сейчас Игорь Иванович? Нет, он говорит сам с собой, проверяя на безмолвном слушателе свои догадки, строит гипотезы, ищет, ошибается, падает, встает и снова идет к истине – где ошупью, а где при свете знаний. Такие влюбленные в науку чудачки и движут ее вперед, не страшась заглянуть туда, куда еще никто не заглядывал и даже не думал заглянуть. Когда они витают в мечтах, им все по плечу, но сколь же горько разочарование при столкновении с реальностью, при возвращении на грешную землю.

– Представьте себе, что время – это бесконечно длинный поезд. В одном вагоне сейчас мы с вами, а в других, отделенных от нас жесткими физическими законами, существа, многих из которых мы еще не знаем и не понимаем, едут такие же люди, только на какую-то долю бытия позади или впереди. И нет никаких сил, способных нам помочь перейти из одного вагона в другой. А по параллельным путям идут другие, такие же длиннющие составы, и в них Наполеон в ночь перед Ватерлоо и Лев Толстой, переписывающий «Анну Каренину». Вот бы поглядеть, а? – щеки у Игоря Ивановича порозовели, жесты стали порывистыми, он увлекся и забыл про плед, сползший с его худых плеч. – Для нас время – это отсчет периодов вращения земли, а для других миров, для галактики? Может ли оно сжаться, подобно пружине, или, подобно той же пружине, растянуться? Как овладеть им, заставить служить себе? Кто ответит? Никто, кроме нас. Вот так. А мы воюем, жжем города, сажаем людей в тюрьмы за то, что они думают и поступают иначе, чем общепринято, а это не нравится другим людям, присвоившим себе право диктовать остальным, как думать и как поступать. Не смотрите так, я не сумасшедший, просто мы еще так многого не понимаем в предназначении человечества и растрачиваемся по пустякам... Кстати, вам это надо срочно?

– Да, – поставив на блюдце чашку, ответил Антон. – Очень.

– Понимаю, – сникая, пробормотал хозяин. – Я постараюсь. Оставьте свой телефон, когда будет готово, сообщу. Приходите ко мне еще, мы с вами так приятно поговорили. Правда-правда...

К себе Волков возвращался со странным чувством обеспокоенности и, одновременно, какого-то стыда – сможет ли странный профессор разрешить задачку, над которой безуспешно бьются опытные дешифровщики; почему Ермаков так уверен в нем? Человек витает в эмпиреях, мыслит своими категориями, но тем не менее пошел в ополчение, был контужен, не уехал в эвакуацию, оставшись в городе, продолжает работу, читает лекции. И так ли уж привольно живется ему в научной области, куда хотел позвать многих Дмитрий Иванович Менделеев? Наверняка у профессора есть плановые работы, может быть, даже связанные с обороной страны, а дома, оставаясь наедине с самим собой, он грезит загадками времени, отыскивая на кончике пера ту щелочку, которая позволила бы перескочить, презрев и победив законы физики, из вагона в вагон, встретиться там с Наполеоном и Толстым.

Бред? Нет, мечта, прекрасная и невозможная. А какие мечты у него, у Антона? Выспаться, съездить к матери, повидать родных, дожить до победы. Дождаться из армии брата Вовку. Увидеть девушку Валю. Просто, приземленно? Наверное, но у него есть дело! Дело,

которому он служит, и чем лучше он будет его делать, тем скорее придет победа, тем больше времени сможет отдать Игорь Иванович своей мечте об овладении секретами мироздания, тем скорее вернутся домой мать, тетя и сестра, вместе с успевшими подрасти племянниками.

А в воздухе и правда пахнет весной, так и чудится запах клейких тополиных почек, и небо засинело не по-зимнему теплым светом, обещающим южные ветра и оттепели с веселой капелью. Скоро, уже скоро придет вторая военная весна. Какой-то она будет?

Глава 3

Получено 5 февраля 1943 года

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ
ИОСИФУ В. СТАЛИНУ,
ВЕРХОВНОМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ
ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ СОЮЗА СОВЕТСКИХ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

Москва

В качестве Главнокомандующего вооруженными силами Соединенных Штатов Америки я поздравляю Вас с блестящей победой Ваших войск у Сталинграда, одержанной под Вашим верховным командованием. Сто шестьдесят два дня эпической борьбы за город, борьбы, которая навсегда прославила Ваше имя, а также решающий результат, который все американцы празднуют сегодня, будут одной из самых прекрасных глав в этой войне народов, объединившихся против нацизма и его подражателей. Командиры и бойцы Ваших войск на фронте, мужчины и женщины, которые поддерживали их, работая на заводах и на полях, объединились не только для того, чтобы покрыть славою оружие своей страны, но и для того, чтобы своим примером вызвать среди всех Объединенных Наций новую решимость приложить всю энергию к тому, чтобы добиться окончательного поражения и безоговорочной капитуляции общего врага.

Франклин Д. РУЗВЕЛЬТ

ЛИЧНОЕ И СЕКРЕТНОЕ ПОСЛАНИЕ
ПРЕМЬЕР-МИНИСТРА
г-на УИНСТОНА ЧЕРЧИЛЛЯ
г-ну СТАЛИНУ

Цепь необыкновенных побед, звеном которой является освобождение Ростова-на-Дону, известие о чем было получено сегодня ночью, лишает меня возможности найти слова, чтобы выразить Вам восхищение и признательность, которые мы чувствуем по отношению к русскому оружию. Моим наиболее искренним желанием является сделать как можно больше, чтобы помочь Вам.

14 февраля 1943 года.

ЛИЧНОЕ И СЕКРЕТНОЕ ПОСЛАНИЕ
ОТ ПРЕМЬЕР-МИНИСТРА
г-на УИНСТОНА ЧЕРЧИЛЛЯ
г-ну СТАЛИНУ

Прошлой ночью Королевские Воздушные Силы сбросили свыше 700 тонн бомб на Берлин. Налет был весьма успешным. Из 302 бомбардировщиков мы потеряли 19.

ЛИЧНОЕ И СЕКРЕТНОЕ ПОСЛАНИЕ
ПРЕМЬЕРА СТАЛИНА
ПРЕМЬЕР-МИНИСТРУ г-ну ЧЕРЧИЛЛЮ

Благодарю Вас за поздравление по поводу взятия нашими войсками
Ржева. Сегодня наши войска взяли город Гжатск.

Буду ждать Вашего и г. Рузвельта ответа на мое послание от 16 февраля.

* * *

Уютно устроившись на заднем сиденье автомобиля, Бергер бегло просматривал свежие газеты. Правда, свежими их можно считать только здесь, поскольку они приходят из Германии с опозданием на несколько дней – опять все те же досадные задержки транспорта, а это и срывы перевозок, так нужных фронту.

На последнем листе, внизу, в черных рамках с изображением «Железного креста» над текстом, опубликованы сообщения о погибших: «Доктор Отто Кауфман погиб во время воздушного налета на Киль», «Смертью героя пал в бою в Атлантическом океане лейтенант флота Гейнц Бонау». «Не вернулся из ночного воздушного боя капитан люфтваффе Эрих Штендер»...

Недовольно скривив губы, оберфюрер свернул в трубку газетные листы и, похлопывая ими по ладони, сказал сидевшему рядом фон Бютцову:

– Опять потери. Эти некрологи только капля в море. Боимся пугать обывателя тем, что действительно творится на Восточном фронте. А мы с вами, Конрад, бездарно растрачиваем драгоценное время. Вчера опять звонил Этнер: торопит, считает, что мое почти двухнедельное присутствие здесь является неоправданно долгим.

– Такие вопросы не решаются в пять минут, – завозился Бютцов. – Надеюсь, группенфюрер это знает?

Бергер не ответил. Он смотрел в окно, на бледный частокол берез, между которыми обнажилась почти черная, протаявшая под пригревшим солнцем земля, – неожиданно быстро потеплело, потекли ручьи, дороги начало развозить, поэтому любезное приглашение Конрада отправиться на охоту оберфюрер воспринял без энтузиазма. Кроме того, охота – это лес, а лес – банды партизан. Неприятно выступать одновременно в роли охотника и дичи. Конечно, не стоит показывать своего опасения непредвиденных встреч с бандитами, тем более что Бютцов заверил в полной безопасности устроенной им поездки, но все же.

Как объяснить ему, что созревание прекрасного замысла операции еще не есть его столь же прекрасное воплощение в жизнь, что наверху, там, в коридорах РСХА в Берлине, варится своя густая похлебка, которую, торопливо обжигаясь, придется расхлебывать им, сидя здесь, в белорусском городке? Это Конрад знает?

Знает, как без конца подстегивает руководство, знает о лисьем характере группенфюрера Этнера? Кстати, надо бы поговорить с ним о более серьезных вещах, связанных с будущим Германии и их семьи – как-никак, а они все же родственники, – но Бергер ждал, терпеливо выбирая момент для такого разговора: долгое время он не виделся с Конрадом, а служба в их ведомстве накладывает на человека определенный отпечаток. Поэтому оберфюрер пристально приглядывался к своему родственнику и ученику, прежде чем завести разговоры на интересующую его тему, ставшую после Сталинграда жизненно важной.

Нет, они обязательно поговорят, но все будет зависеть от того, какие выводы сделает для себя Бергер: если Конрад остался на прежних позициях – разговор пойдет в одном русле, а если обнаружатся какие-либо изменения в его воззрениях, то он окажется совершенно иным. За

время пребывания здесь Отто Бергер еще не решил этой задачи, хотя виделся с фон Бютцовым ежедневно. Поэтому и тянул, выжидал, отбиваясь по телефону от понуканий Этнера, требовавшего ускорить работу. Наваливались срочные дела, здешняя обстановка требовала внимания и решения ряда проблем – оберфюрер должен был еще проинспектировать деятельность СС и полиции, – но своего замысла он не оставлял.

– Группенфюрер знает, – прервав затянувшееся молчание, сквозь зубы процедил Бергер.

За рулем автомобиля сидел Канихен, его личный, многократно проверенный охранник, вступивший в СС еще в начале тридцатых годов, поэтому оберфюрер мог говорить относительно свободно. Относительно потому, что он давно перестал доверять практически всем, только Конрад составлял некоторое исключение, да и то еще надо поглядеть: как он теперь?

Впереди шел автомобиль с охраной. Канихен уверенно вел машину, строго держась по его колее – на дороге могли быть мины. Вспомнив об этом, оберфюрер желчно усмехнулся, положил рядом с собой свернутые газеты и сказал:

– Тишина, покой... А ведь вы, Конрад, живете здесь почти как на фронте, где привыкают к свисту пуль, вою снарядов и считают себя в полной безопасности, спрятавшись в окоп. Все относительно. А в лесах, – он показал за окно машины, – прячутся банды партизан, как правило, связанные с русской разведкой. В городе существует подполье, но его временное бездействие отнюдь не ваша заслуга.

– Почему? – не согласился Бютцов. – Город уже неоднократно чистили. Однако местные большевики после каждого разгрома с завидным упорством вновь и вновь создают сеть явок и умело работают по выявлению провокаторов. Вычистим – притихнут, а потом снова поднимают голову.

– Их консультируют, – Бергер достал сигару, прикурил. – Бывшие учителя, партийные работники и агрономы не знакомы со специальными методами полицейской работы. Я изучил материалы и уверен: в партизанских бандах есть профессиональные военные и занимающиеся разведывательной деятельностью засланные сюда чекисты. Именно они и помогают вновь восстанавливать порванную сеть явок, тем более что мы, как ни стараемся, но не уничтожаем ее всю целиком. Обязательно кто-нибудь да остается, ускользает и начинает все с начала. Да, упорство завидное, но в городе есть люди НКВД, которых пока не выявили, или часть из них уничтожили, так и не сумев установить, кем они на самом деле являлись. Учителя и партийные работники советов, командующие партизанскими бандами и исполняющие там обязанности комиссаров не смогли бы долго выстоять одни. Понимаете? Любой фанатизм – ничто без должного опыта подпольной работы, а советская разведка непростой противник, тем более что они здесь действуют на своей территории. К началу решающей фазы операции все должно быть готово к полному уничтожению подполья в городе, и особо к выявлению и захвату людей, связанных с НКВД и русской военной разведкой. Это неперемное условие, которое я поставил начальнику СС и тайной полиции. Несколько сильных одновременных ударов! В том числе и по лесным бандам, чтобы загнать их в болота или принудить уйти в другие районы. Пока этого не сделают, я не могу сказать, что уверен в успехе. Вы сами не боитесь осечки?

– Исключено! – уверенно ответил Конрад.

– Посмотрим, – задумчиво протянул оберфюрер, вертя на пальце платиновый перстень – подарок рейхсфюрера Гиммлера. – Долго еще ехать?

– Уже прибыли, – отозвался Бютцов, взглядывая через плечо водителя в убогие домики деревеньки. – Здесь раньше было охотничье хозяйство поляков. Оно осталось почти нетронутым. Кабанов и оленей не обещаю, но зайцев могу гарантировать. И рядом гарнизон.

Машины свернули на узкую дорогу, обсаженную по краям старыми березами, и подкатили к воротам охотничьего домика. На крыльце, поджидая приезда гостей, стоял Сушков, обутый в старые валенки с обрезанными голенищами. Почтительно поклонившись, он открыл двери. Не взглянув на него, Бергер прошел внутрь.

Ему понравилась гостиная с большим камином и расставленными вокруг овального стола стульями из темного дерева, обитыми лосиными шкурами. В окна светило солнце, на стенах темнели пятна, оставшиеся от висевших там ранее портретов, и оберфюрер подумал, что если бы не война и приведшие его сюда важные дела, как бы хорошо провести несколько дней в этом старом доме, где так приятно пахнет дымком от растопленных печей, воском дубовых плашек паркета, свежим мягким хлебом.

Разжечь дрова в камине, усесться в кресло, вытянуть к огню усталые ноги, выкурить сигару и отдыхать от забот, наблюдая, как тихо угасает за окнами вечер, незаметно переходя в ночь, приносящую легкий морозец, сковывающий до утра раскисшую грязь и лужи. Свежий деревенский воздух, охота, жаркое, рюмка водки перед ужином, дружеская беседа...

– Канихен, принесите из машины ружья, – не оборачиваясь, приказал оберфюрер, точно зная, что телохранитель стоит у него за спиной. – Ключе пусть останется здесь, ждать нашего возвращения.

Бютцов подошел к окну и поглядел во двор. Канихен подскочил к машине, вынул из багажника футляры с охотничьими ружьями, смеясь что-то сказал стоявшему у крыльца Ключе. Тот знаком позвал к себе Сушкова и угостил его сигаретой...

* * *

Обедали поздно, да и обед ли это был, или ранний ужин? Обычно бледный Бергер, раскрасневшийся, разругавшийся от ветра и свежего воздуха, сидел за столом в распахнутом меховом жилете, возбужденный выпитым вином и удавшейся охотой. Сухо потрескивали дрова в камине, пахло разогретой смолой и соблазнительным ароматом жаркого, уютно светила старая керосиновая лампа, низко висящая над столом, покрытым белой, затейливо вышитой скатертью.

Бютцов сам ухаживал за высоким гостем, подкладывая ему на тарелки лакомые куски, с радушной улыбкой предлагая отведать истинно русских закусок – квашеной капусты с яблоками и соленых грибов. Оберфюрер охотно пробовал, пил водку, шутил, и Конрад тихо радовался, что наконец-то исчезла холодноватая сдержанность, так присущая Бергеру, уступив место благодущию и родственной приязни.

– Война непозволительно затянулась, – попыхивая сигарой, доверительно говорил оберфюрер. – Всегда приятно вести короткие, победоносные войны, а не затяжные, связанные с огромными потерями. Вы здесь, к счастью, еще не знаете выматывающих душу налетов английской авиации. Хотя трудно сказать, что хуже: партизаны или бомбежка.

Конрад, рассеянно улыбаясь, согласно кивал и подливал гостю вина, не забывая наполнять и свою рюмку. Сизыми слоями плавал в гостиной сигарный дым, желто светилась сквозь него лампа, а Бергер говорил:

– К сожалению, русские достаточно быстро восстанавливают свой офицерский корпус, почти уничтоженный перед войной. Тогда избавились от людей, не согласных с позицией Сталина, Ворошилова и Буденного в отношении дальнейшего развития армии, расстреляли и сослали призывавших к увеличению темпов строительства военных объектов, реконструкции железнодорожных узлов, формированию воздушно-десантных частей и танковых корпусов. Политика, мой друг, и здесь сыграла свою роковую роль! Нежелание Буденного и Ворошилова поступиться своей концепцией главенства конницы привела на скамью подсудимых маршала Тухачевского и его друзей. Кстати, маршал был офицером одного из полков лейб-гвардии последнего русского императора и во время войны четырнадцатого-восемнадцатого годов сидел в нашей крепости, в плену. С ним работали, но не так успешно, как с другими.

– Имеете в виду Власова? – Конрад встал, подошел к камину, перевернул кочергой почти прогоревшие поленья. Потом прошелся по гостиной, прислушиваясь к тому, что делается за ее дверями. Там было тихо.

– Не только, – засмеялся оберфюрер. – Своего военачальника Корка Советы подозревали в связях с нами и требовали рассказать о передаче представителям немецкого генерального штаба сведений о войсках Московского военного округа, не зная, что наш человек сидит у них под самым носом. Правда, потом они почти что нащупали его и сумели упрятать в тюрьму, но с началом войны вернули в действующую армию. Теперь он занимает ответственный командный пост.

Бергер примял в пепельнице окурочку сигары и тут же достал новую. Обрезая ее кончик, хитро поглядел на хозяина и заметил:

– С мая тридцать седьмого по сентябрь тридцать восьмого Сталин убрал почти половину командиров полков, практически всех командиров бригад и дивизий, всех командиров корпусов, всех командующих войсками военных округов, членов военных советов и начальников политических управлений округов. Следом за ними полетели головы большинства политработников корпусов, дивизий и бригад, около трети комиссаров полков и многих преподавателей высших и средних учебных заведений. Вот что такое политика!

Раскурив сигару, он задул спичку и вопросительно посмотрел на Бютцова. В ответ тот чуть заметно кивнул.

– Налейте мне еще, – попросил оберфюрер. – Вино французское? Нет? Но все равно очень неплохое, я даже не думал, что в России есть такие вина. Похоже на испанское.

– Из Крыма, – пояснил Конрад. – Там роскошные виноградники и знаменитые винные подвалы. Скажите, неужели связанный с нами человек до сих пор остался у Сталина и его окружения вне подозрений? Как они решились выпустить его и направить на фронт?

– От безысходности! – довольно засмеялся Бергер. – Надо воевать, а у них не хватает толковых генералов для командования крупными соединениями. Даже фельдфебелю нужен опыт, а что уж говорить о генерале? У нас он проходит под псевдонимом «Улан», но вам, дорогой Конрад, я могу назвать его настоящее имя...

Стоя под дверями гостиной, Сушков нервно кусал губы: немцы сегодня много выпили, возбуждены удачной охотой и спиртным, говорят громко, почти не таясь – до него ясно доносятся их голоса. То, что он услышал, насторожило и испугало Дмитрия Степановича. Сначала он не собирался подслушивать, просто сидел в прихожей, где ему велел находиться Бютцов, и ждал, когда хозяева насытятся и отправятся либо в постели, приготовленные наверху, либо поедут обратно в город – кто знает, что у них на уме?

В соседней комнате отужинали два здоровенных эсэсовца, приехавшие вместе с берлинским гостем, – и здесь они не расставались с автоматами, а на поясе у каждого висела кобура с парабеллумом. Съев по огромной порции жаркого и выпив бутылку водки, телохранители лениво играли в скат, шлепая истертыми картами по крышке стола. Один из них дал Сушкову пачку сигарет и немецкий иллюстрированный журнал, похвалив произношение переводчика и поинтересовавшись, – уж не жид ли он? Услышав, что нет, довольно осклабился и хлопнул Дмитрия Степановича по плечу тяжелой лапой. Удалось узнать и их фамилии – один Канихен, что приблизительно можно перевести как «кролик», а другой Клюге. Оба на зайчиков не похожи, – рослые, широкоплечие, но глаза не глупо-пустые, а цепкие, внимательные, и это сильно обеспокоило переводчика, заставив быть предельно осторожным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.